

Сергей КОРОТКОВ

ОХОТА

НА

ЧЁРНЫХ ВДОВ

@ЭЛИТА

18+

Истребитель

Сергей Коротков

Охота на Черных Вдов

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Коротков С. А.

Охота на Черных Вдов / С. А. Коротков — Электронное издательство "Аэлита", 2014 — (Истребитель)

Вторая книга об Истребителе – о, казалось бы, простом сибирском парне, ставшем матёрым киллером, живым оружием одной из спецслужб России в широкомасштабной секретной операции как внутри страны, так и за ее пределами. Выполняя не столько задания и приказы новоявленного руководства, сколько действуя по зову сердца и из патриотических соображений, он преследует членов могущественной тайной секты-партии, в намерениях которой – устранение Секретаря Совета Безопасности страны и его окружения, набирающих политический вес в предвыборной гонке. Книга о «лихих» криминальных 90-х годах, жестокой действительности постсоветского развала некогда огромного государства, политических распри и закулисной борьбе в верхних эшелонах власти, о долге, профессионализме и чести, о предательстве и измене.

© Коротков С. А., 2014

© Электронное издательство
"Аэлита", 2014

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Коротков

Охота на чёрных вдов

© ЭИ «@элита» 2014

* * *

Посвящаю своему брату Денису

«Auferte malum ex vobis»

(лат. «Исторгните зло из среды вашей»)

Пролог

ОНА была очень красивая! Маленькая головка и спокойствие во всём теле напоминали чем-то спящего ребёнка. Внимательные серо-зелёные глаза приковывали ЕГО любопытство, прямо смотрели в душу, и если бы не выскакивающий постоянно раздвоенный влажный язычок, отвлекающий ЕГО, мини-искорки злости и хитрости в зрачках, и не знания о ядовитых змеях, ОН бы с нежностью погладил это пресмыкающееся по извилистому, стройному и крепкому телу!

Ещё час назад, неожиданно повстречавшись с ней, и в такой неудобной позе, ОН сразу определил её название: пустынная среднеазиатская кобра, и дал ей имя: Смерть. И вот сейчас, сидя на корточках и чуть оперев колени в песок, с опущенными руками, ОН думал об одном: как не пошевелиться и тем самым продлить себе жизнь. Рядом с НИМ с правой стороны лежала полуприсыпанная песком книжка, раскрытая на странице с заголовком «17 октября». Слева – сумка с торчащим термосом. Чашка с недопитым чаем зажата в левой руке и висит над песком в трёх сантиметрах. Напротив – ОНА. Грациозно изогнув тело вопросительным знаком, устремив немигающий взгляд на человека, подогнув хвост под себя, ОНА ждала ЕГО ошибки.

Экземпляр достигал метра два в длину, в самом толстом месте – с предплечье. Чешуйчатая иссиня-чёрная с зеленоватым оттенком кожа блестела на солнце. Брюхо чуть светлее песка. По характерным признакам ОН сразу определил самку. Еле-еле качалось её тело, язык выскакивал с неодинаковыми интервалами, то часто и быстро, то редко и неохотно.

Наверное, надо быть ещё спокойнее! Сколько так можно сидеть? Но если бы ОН знал, что ОНА всё-таки уползёт, то просидел бы и полдня.

Шёл второй час поединка. Эта схватка непростая! Здесь не нужны противникам физические способности. Это поединок умов: хитрых и коварных, выносливых и осторожных. Поединок Разумов. Человек и змея. Змея или Человек. Он ждал, ЕМУ жизнь дороже. Но и Она знала, кто ОН. Самый опасный и сильный враг в пустыне. Они ждали.

Но становилось всё хуже. Это невыносимо. Солнце безжалостно палило, мелкий песок иногда задувало в уши, рот, глаза. По тени от неё ОН примерно определил время: около двух часов. Значит, ОН сидит уже три часа. Третий час ОНА гипнотизировала ЕГО мозг. Стало невыносимо тяжело дышать, а моргать вообще нельзя. Это ОН видел по её глазкам. Они разгорались, язык мелькал изо рта, тело чуть подавалось вперёд, но опять возвращалось, когда ОН внимательно смотрел ей в глаза. О-о! Как это нудно и тяжело! Можно свихнуться запросто, можно и упасть!

Чашка стала тяжёлой, будто кирпич. Ноги затекли и одеревенели, как и шея. В спине и пояснице адская боль. Медленно, незаметно, ОН опускал чашку на песок. Это заняло минут десять. Скрюченные пальцы не чувствовали тепла песка. А между тем воздух, накалённый до предела в это время дня и года, не давал дышать. Пот с песком на лице неприятно щипал, в носу и горле чесалось. Но ОН терпел! ОН не сдавался... И всё из-за кого?! Из-за твари, спокойно восседающей напротив! Гадина! Убила бы сразу, а лучше уползла бы! ОН сходил с ума! Но как ОНА может? Разве ей не надоело, разве ОНА не устала!? Царица пустынь, ёптеть!

Сердце стучало так сильно, что ОН начал бояться, как бы ОНА не услышала. Лишний шорох, или движение – и ЕГО нет! Чёрт! У НЕГО нет в сумке противоядия! Всё! Стоп. Надо вспомнить что-нибудь из жизни, не волноваться. Сердце и правда готово вырваться. Спокойно!

ОН посмотрел вверх змеи, вдаль, где караумские барханы с мелкими редкими кустиками саксаула соединялись с небом. Оно там, на горизонте, такого же цвета: бело-жёлтого, знойного, тлеющего. Выше – бело-голубая муть, ещё выше переливающаяся сине-голубая –

настоящее небо. ОН смотрел туда, в голубую пустыню, и думал о таком же светлом и приятном. Детство! Приятные воспоминания овладели ИМ. ОН забылся...

Ой! Что это? Кто-то вскопал под ЕГО коленом песок. Центр тяжести тела давно перешёл на колени, поэтому они стали вдавливаются в песок. ОН медленно опустил глаза. ОНА смотрела устало и вяло. Но это только внешне! ОНА хитрая! Давала понять, что сейчас уползёт, а сама и не думала.

Кто-то опять стал копошиться. Возникло чувство, что в песке образовалась воронка, и незнакомое существо выглянуло наружу. Как хотелось посмотреть, кто там! ОН поймал взгляд кобры. Почудилось, что она начала прищуриваться. Но взглянуть вниз не посмел. Опять гипноз!

Тушканчик, или другой пустынный зверёк, словно вылупившийся из яйца цыплёнок, повертел головкой по сторонам: то на Человека – редкого и безобидного гостя пустыни, то на кобру – опасное и злое существо, враг всех грызунов. Зверёк непонимающе заморгал, задрожал и, будто опомнившись, пропал в песке. Это движение успел заметить ОН, опустив глаза...

Вместе с грозным шипящим свистом ОН почувствовал удар хлыста по бедру, заметил выпад кобры и тут же свалился набок. От неожиданности вскрикнул. Её не видно.

ОН долго лежал, прислонившись щекой к горячему песку, и тут начал понимать, что произошло: ОНА дождалась своего, ОН отвлёкся, и ОНА ударила ЕГО. Но укус пришёлся на боковой карман спецовки, на бедро. А в нём платок и салфетки, плотно и аккуратно сложенные. Зубы не достали тела, и весь яд остался на вещах.

ОН перевалился на спину, потрогал и расстегнул карман, достал содержимое. Удар был сильный: туго сложенные бумага и платок прокушены почти насквозь.

ОН развернул салфетки, увидел жёлтое мокрое пятно. На штанах остались две маленькие рваные дырочки на расстоянии двух сантиметров друг от друга. И тут ОН понял, как ЕМУ повезло. Смерть прошла мимо. Она не взяла ЕГО, то есть не захотела взять. Она проиграла Человеку!

Потихоньку двигая ногами и руками, сжимая пальцы, вертя головой, ОН окончательно сбросил напряжение, затёкшие части тела снова обрели былую подвижность.

Змеи особенно злы до и после спячки, буквально разъярённые. Последний период связан с размножением пресмыкающихся. Обычно весной змеи рьяно оберегают своих самок, мало охотятся, и очень жестоки к тем, кто мешает им или чем-то отвлекает. Они не церемонятся с жертвой, но здесь, видимо, особый случай: может, потому что кобра была самкой, а может, какие другие причины. И время-то года другое!

Не спеша ОН сложил разбросанные вещи в рюкзак-сумку, но какой-то сверхъестественный инстинкт заставил ЕГО обернуться. О, боже!..

ОН увидел её опять! ОНА возвращалась! На жёлтом песке отчётливо виднелась извивающаяся лента, поминутно останавливающаяся и поднимающая голову в сторону Человека. Ещё тридцать метров...

И вдруг ЕГО осенило: ОНА поняла, почувствовала, хоть и поздно, что жертву не убила: зубы не достали плоти. «Он жив!» – подумала ОНА. Поэтому возвращалась.

Мгновенно ОН оценил ситуацию, бросил в сторону кобры взгляд: ОНА приближалась. Принял сумасшедшее решение. Не схватил сумку и не побежал прочь, а устроился поудобнее: сел на ноги, лицом в её сторону, вытащил носовой платок и подцепил к нагрудному карману, прямо на сердце, и стал ждать. В правой руке, спрятанной за спиной, держал наготове нож – острое стальное лезвие, блестящее на солнце.

Наступал вечер. Сумерки, характерные для этих мест, начинали сгущаться, но было по-прежнему светло: небо стало золотым, чуть-чуть красноватым там, где должен быть заход солнца. Сама же жемчужина неба медленно скатывалась к горизонту.

Её приход обозначился резким шипением и тонким свистом: «Я вернулась!» И вот через несколько секунд ОНА снова заняла боевую стойку: глаза налились кровью, белые зрачки смотрели мертвенно и холодно, капюшон раскрылся и стал величиной с человеческую кисть, язык беспрерывно выскакивал между невзрачных неприятных челюстей. Хвост, в отличие от первого раза, постоянно двигался из стороны в сторону, как бы выполняя действия хлыста. Грациозная шея, носящая красивый капюшон чёрно-зелёного цвета с очковым белым рисунком и золотистую головку, непринуждённо извивалась, шаталась, как на ненадёжной опоре, как последний листок на дереве.

В следующий момент задуманное свершилось. Один из последних предвечерних жарких ветерков пустыни подхватил платок на ЕГО груди, который в первое мгновение шевельнулся раз, затем другой. Кобра сию секунду широко раскрыла рот с двумя ужасными и смертельными зубцами и чуть дёрнулась вперёд. ОН почувствовал, как нервы защекотали, мышцы напряглись, рука с ножом вздрогнула: пальцы впились в рукоять. ОНА, ядовитое безжалостное существо, воистину царица пустынь, красивая, но таинственная и страшная, не убила ЕГО и в этот раз. ОНА даже не тронула своего врага. ОН понял: в третий раз будет борьба! И ждать пришлось недолго!

Опять платок затрепетал от ветерка, её глаза сузились, расширились, взгляд упал на движущийся предмет и молниеносный удар завершил возбуждение. Но, готовый к выпадку змеи, ОН выкинул ей навстречу руку с ножом. Змея и рука столкнулась в воздухе. Кобра разделилась на две части. Одна, короткая, с глазами и зубами, упала, как камешек с глухим звуком. Другая, длинная и толстая, забилась в агонии, вспучивая и взрыхляя песок. ОН вытер нож о штанину, разогнулся, выступивший на лбу пот смахнул рукавом и облегчённо посмотрел вокруг. Пора идти.

Жалеюще и сочувственно ОН смотрел на затихающую змею, которая с трудом выделяла разные причудливые петли телом. ОН взялся за нож и присел рядом с убитой.

Через полчаса человек, чуть встрепенувшись, кинул взгляд в сторону, затем на солнце, потом на часы, повернулся и быстро-быстро зашагал прочь. Хотя ноги по щиколотку увязали в песке, ОН скоро удалился так, что видны были только тело и голова. Ещё спустя полчаса человек растаял в золотисто-красных песках великой пустыни. Только последний дневной ветер задувал по низинам барханов, шевелил верблюжьи колючки, перегонял перекати-поле, да заносил небольшой холмик на месте недавнего поединка. Здесь была погребена ОНА – царица Каракумов, проигравшая в схватке своему злейшему врагу – Человеку.

Часть 1

Авиарейс Екатеринбург-Ашхабад. 11 октября 1996 г.

Тяжёлый «Ил» неохотно оторвался от уральского аэродрома и, задрав тупой нос, стал набирать высоту. Двигатели-турбины мирно и ровно гудели за бортом, вселяя надежду в пассажиров. Но лёгкое волнение в салоне витало долго и обычно растворялось после приземления. Удачного приземления! Ведь в последнее время стало опасно летать в России на самолётах! Так участились авиакатастрофы, пополняя списки случайных жертв! Серая жизнь! Убогое время!

Никита Топорков закрыл глаза. Потянуло в сон. Вроде выспался за эти два дня, но в самолётах, как известно, всегда клонит в сон и притупляются чувства. Особенно на высоте, после перепадов давлений.

Никита сглотнул, еле-еле нацедив языком хилую слюну. Пробка на время исчезла из ушей. По лицу пробежали лёгкие морщины.

Он снова поднял веки. Взглянул в овальное окошко иллюминатора: на бело-розовую вату облаков, затянувших весь горизонт, на прямые прозрачные лучи солнца, слепящие глаза. Вздохнул. Пошевелил ногами. И сконцентрировал внимание на невидимой точке пространства. Глубоко задумался. А чтобы лучше вспоминалось, снова прикрыл веки и слепил ресницы. И отдался власти памяти...

...В середине июля этого года, после успешной чистки родного города от высшей иерархии криминальных структур, после удачно выполненной работы, ЕГО работы, он подался в Чечню, в Грозный.

В Астрахани встретился с друзьями. Затем с Филином и Черёмухой проникли на Майдан. Так обозначался конспиративный центр и пункт сбора некоторых лиц 7-го подотдела: боевых самрасчётов и «внештатников».

В трёхкомнатной квартире, расположенной на Красногвардейской, недалеко от рынка, собрались все «боевые самрасчёты» и агенты-нелегалы.

Их было восемь человек. Тех, кто смог прийти и кто захотел! Восемь бойцов. Спецы, профессионалы, своего рода супермены!

Никиту представили как Истребителя. Кратко. Чётко. Без отчества и фамилии. Имя, прозвище, род деятельности, регион.

Топорков пристально изучал манеры, характеры, судьбы товарищей. Жадно впитывал любую информацию, повадки, опыт бойцов.

Полковник Шулепов. Его называли все «Ильич». Старше всех. Эрудированный, чуть осевший, но очень крепкий. Короткая седая стрижка. Серая униформа-камуфляж. Руководитель и командир. Бывший начальник 7-го подотдела физических воздействий «СМ» Особого отдела ГУ ФСБ РФ.

Филин. Черёмуха. Оба хорошо знакомые.

Николай. «Гарпун». В прошлом боевой пловец из Тихоокеанского разведывательно-диверсионного подразделения «Мурена». 32 года. Ревизор Приморского края.

Фёдор. Федя. «Буран». Лейтенант антитеррористической спецгруппы «Альфа». Снайпер высокого класса. 35 лет. Женат. Двое детей. После вынужденной отставки в 1992 г. и развала элитного подразделения – офицер ФСК. Агент «семёрки». Ревизор Карельского региона.

Игорёк. Прозвище «Мозамбик». Старший лейтенант «девятки» КГБ. Кличку получил в Африке, когда охранял там советских послов и видных дипломатов. 31 год. Ревизор Черноморского региона.

Вячеслав. Из «внештатников». «Штурмовик». 42 года. Женат. Детей нет. Инженер-физик. Последнее место «работы» – Байкальский регион.

Остальные не явились по зову Шулепова. Не смогли или не захотели.

Война в Чечне давно приняла затяжной характер. Без передышек и отпусков. Бойня. Мясорубка. Сотен и сотен российских парней. Тысячи смертей. Взрывы и перестрелки. Атаки и контратаки. И на фоне этих Хаоса и Краха – война представителей «плаща и кинжала».

Наркотики. Бесчисленное оружие. Человеческие органы для трансплантации. Коррупция. Финансовые аферы на высшем уровне. Открытый терроризм. Шпионаж. «Фальшиво-валютные коридоры». Измена Родине.

И многое другое.

Здесь была работа. Здесь нужна была их «работёнка».

Здесь только их и не хватало.

Доверенное лицо Александра Ивановича в беседе с глазу на глаз сообщило Секретарю СБ:

– У меня есть люди, которые сделают ТАМ всё, что потребуется!

– Это хорошо! Мне нужны такие! Мне лично и для всей страны в целом. Там уже жарко. Скоро будет ещё хуже! Мне нужны ОНИ!!!

Ответ бывшего генерала-десантника устраивал его помощника-консультанта, в прошлом подполковника КГБ. Жёсткий, холодный и острый, как сталь. Как прямая речь Робокота или Терминатора. Машина.

А там в это время продолжались кровопролития. Убивали часто. В грудь, голову, лицо. Убивали в спину. В упор, в затылок. Пытали, издевались, уродовали. Глумились. ТАМ давно все деградировали!

Но ТАМ тоже нужна была Чистка. Всей Чечни. Ликвидация и истребление, полное уничтожение врага.

А под словом «враг» понималось очень многое и многие!

«Эскадрон смерти», «летучий отряд», «чёрные волки». Так прозвали ТАМ маленькую, но сильную и сверхопасную группу полковника Шулепова.

Их никто не знал. Более того: их почти никогда никто не видел. Они были неуловимы, незаметны, отчаянны и жестоки. Именно жестоки. Этому их научила жизнь. И чужие смерти.

Современные винтовки из арсенала «семёрки», бывшей ФСК и ГУО РФ, коллиматорные, инфракрасные оптические прицелы и всевозможные ночные очки, зрительные трубы, пламязвукосигнализаторы и вкладыши бесшумного ведения огня, универсальные портативные миномёты и гранатомёты, ручные ракетные установки и прочее, прочее, прочее. Всё это обернулось против «наблюдаемых и видимых объектов».

Мелькнул зелёный камуфляж, бородатое лицо, красно-зелёный берет и автомат «Волк» наперевес. Выстрел. Объект уничтожен. Незамедлительный уход с удобной позиции!

Шарахнулись к только что убитым солдатам-мотострелкам трое в серых униформах, с белыми повязками на руках. Один на «стрёме» с «Калашниковым», двое других с аптечкой, скальпелем и приборами-сосудами Дьюара.

Орудуют быстро. Раскладывают, раздевают, очищают и дезинфицируют. Вырезают.

Но сложить и упаковать человеческие органы в сосуды для заморозки тканей, как правило, не успевают. Если поблизости группа «Ильича»!

Один выстрел. В объективе, на том конце траектории полёта ракетки или гранаты, мины или снаряда – взрыв. Сами вы теперь трупы!

И сразу же отход, изменение НП, подстраховка.

Иногда на место ведения скрытого огня обрушивается шквал смерти, град пуль и осколков, бывает – окружают, штурмуют, прочёсывают очередями и ручными гранатами только что оставленную позицию. Матерно орут и метают молнии из чёрных глаз, из-под чёрных бровей.

Но «волков», «эскадрона», БСР, уже нет! Испарились. Спецы!

Ханкала. В аэропорту идёт загрузка раненых, цинковых гробов, контейнеров. Только утром «Л-410» увезёт грузы. Ночью в самолёт проникают люди в штатском, укладывают тёмно-зелёные квадратные ящики, обитые жёстью, среди гробов и тряпичных тюков. На них ярлыки Министерств Обороны, Внутренних Дел, ФАПСИ. При чем тут спецсвязь?! Да и при чем тут МВД, МО и всякие грифы и значки МЧС, комитетов гуманитарной помощи, РКО (Российское Казачье Общество)?! Ведь грузят крепкие, молчаливо-суровые люди в штатском не что иное, как наркотики!

Наркотики!

Спецрейсом из Азии, из «Золотого Треугольника». В Россию, на Украину и в Прибалтику. Там их ждут! С нетерпением.

Били и этих! Поджигали лайнеры, устраняли «махинаторов», гасили предателей. Уничтожали кули и коробки с марихуаной, гашишем, кокой.

Палили и стирали с лица земли транспорты и грузы с оружием.

До хруста в зубах и треска в скулах сжимали челюсти, плевали озлобленно в сторону, тяжело вздыхали, брали в крепкие руки оружие, припадали к окулярам и стреляли. Били, уничтожали, распыляли в пух и прах.

В последних числах августа напоролись на банду Тютюхина, специализирующуюся на изготовлении, сбыте и распространении фальшивых долларов.

Схватка была жестокой.

Силовики-«тютюхинцы» оказались тоже ребята не промах. Снайперы и штурмовая бригада боевиков буквально через несколько секунд после начавшегося обстрела, потеряв с полдесятка людей, ответили своим профессионализмом и всеми спецсредствами уничтожения.

«Ильич» давно пас эту группировку, работающую совместно с отрядом Гасаева, СОМом (сводный отряд милиции Грозного) и плечом к плечу с «федералами» ВВ.

Их засекли ещё в полдень, но в сумерках вечера с тыла НП Игоря «Мозамбика» появились сам Тютюхин, Гасаев и человек в чёрном комбинезоне: осторожный, спокойный (в отличие от дёрганных главарей банд) и ...безоружный.

Пасущая «делаваров» «двойка» Мозамбика и Штурмовика заметила угрозу сзади слишком поздно.

«Делаваров» сразу накрыли огнём, ликвидировав всю группу (22 августа на Ленина найдут обгорелые трупы рабочих-фальшивомонетчиков, разрушенный станок, ксероксы, и 486-й допотопный IBM).

Страхующий Игоря Славик из «РГ-6» моментально обработал отряд Тютюхина и охраняющих своих командиров боевиков, следующих поодаль.

Но человек в чёрном успел рассредоточить силы правильно, поэтому гранаты достали немногих.

Оба бойца из команды Шулепова вмиг осознали своё удручающее положение. И вызвали помощь.

Филин, Никита и Гарпун прибыли на место через двенадцать минут, обходя чеченские патрули, открытые места и убрав по пути трёх подозрительных кавказцев в штатской одежде.

«Гасаевцы», силовики Тютюхина и ещё какие-то неизвестные в серых униформах окружили пятиэтажку, на две трети покинутую жителями и на треть разрушенную войной.

«Двойка» огрызалась до конца, кладя спецов-бандитов одного за другим.

Судя по манере поведения и сноровке, человек в чёрном комбинезоне занимал высокую должность где-то в спецслужбах России.

Его люди хитро и скрытно проникли в дом.

Эфир наполнился матом и шифрованными командами. Мозамбик и Штурмовик держались молодцами. Даже когда их стали забрасывать ракетами «Искра» и гранатами. Фугасные начинки «Искр», как напалм, сжигали дом.

Но в пламени и дыму боя разрывная пуля Игоря достигла Тютюхина. Причём не шальная! Точный выстрел снёс главарю грозненских славянских бандформирований полголовы вместе с наушниками.

И, видимо, в следующий момент смертельная огненная волна накрыла Мозамбика. Он недолго метался по комнате, охваченной пожаром. Новый взрыв поразил тело профи десятком осколков.

Помощь прибыла, когда Слава-Штурмовик, изрешечённый свинцом, корчился в агонии на ступеньках подъезда. Враг был на лестничной площадке этажом ниже.

Никита слышал в наушники бессвязную речь товарища и спешил.

В это время Филин и Гарпун обрабатывали окрестности дома.

Нужно было торопиться, так как после подобного обычно появлялись вертушки войск МВД и обрушивали смертельный шквал на место скоротечных боёв.

Без разбору! Своих и чужих. Был приказ. Там, в командно-руководящих верхах Тихомирова, эти перестрелки не были запланированы. Значит, «не наши»! Значит, место очистить.

И очищали! Море всепожирающего огня, свинца и взрывной волны.

Мало, кто оставался целым после этого.

Никита из «Бизона» достал противника в серой униформе, подобрал Славика и поволок прочь.

Полуистреблённая банда Гасаева и несколько силовиков-«тютюхинцев» отошли за бывшую автобазу, а Филин, Никита и раненный в плечо Гарпун вынесли умирающего Штурмовика и скрылись в садах частных домов.

Позади них, на высоте трёхсот метров, шелестели военные «мишки», изредка пуская осветительные ракеты, ИК-ловушки и простреливая улицу, где только что проходил бой.

А они уходили всё дальше и дальше, в своё логово. Логово «волков».

Но героическая эпопея продолжалась недолго. И то, что сделали ОНИ за сорок девять дней своего пребывания ТАМ, стало лишь каплей в море приближающейся победы, в океане противостояния Беспределу в родной стране.

Ещё 6 августа боевики Саманова и Кандарбиева спонтанно, неожиданно для федеральных войск, вторглись в Грозный, сокрушая всё на своём пути. Расслабившиеся защитники города и полусонные блок-посты не смогли оказать должного сопротивления и несли большие потери.

Это были чёрные дни российской армии и всей войны на Северном Кавказе. Траурные. «Федералы» и народные дружины президента Чечни Завгаева гибли пачками, а полторы тысячи сепаратистов, окрылённых победой и озлобленных кровью, взяли треть Грозного и часть Красногвардейской, где находился Майдан.

Прорыв боевиков застал Никиту врасплох. Он в это время выслеживал с Филином передачу оружия несколькими российскими военнослужащими группе кавказцев, косящих под мирных жителей Грозного.

Ильич с Бураном пытались предотвратить теракт на железнодорожном вокзале, куда прибыла с Большой земли «гуманитарка» и дизтопливо. Охрана состава была усилена СПЕЦНАЗом, но люди Ярбаева давно готовились к операции. Ситуация накалялась.

Черёмуха с Гарпуном действовали в районе аэропорта, устраивая несколько наблюдательных пунктов на важном стратегическом узле.

Славика похоронили. Под краткую жёсткую клятву Ильича и слёзы Черёмухи. В скорбном молчании помянули Игоря-Мозамбика.

Где-то на юго-западной окраине города раздалась канонада. Тысячи стволов разнокалиберного оружия заголосили, сея смерть и увечья. Так начали операцию Саманов и Кандарбиев.

Все шестеро из группы Ильича внимательно прослушивали и расшифровывали разговоры и крики в эфире, настроившись на определённую частоту спецслужб и городской милиции.

Послушав перебранку офицеров-федералов, разведгрупп и радистов блок-постов, убедившись в угрозе с тыла, «волки» начали форсирование.

Никита с Филином залпом из «Осы» ликвидировали «мирных жителей», затребовавших оружие, а своих же русских парней расстреляли из автоматических винтовок, целясь преимущественно по ногам. Но, надо сознаться, пули попадали и выше.

Расстреляв всю сходку, «двойка» удалилась, взяв курс на Майдан.

Ильич с Бураном снялись с места без единого выстрела, но связались с руководством охраны ж/д состава и анонимно предупредили о готовящемся нападении.

Теракт головорезам Ярбаева не удалось совершить: СПЕЦНАЗ принял меры.

Гарпун и Черёмуха тоже удалились с позиций, направившись на конспиративную квартиру, но встретили по пути несколько бандитов, мобилизованных на поддержку штурмующих город земляков.

Гарпун, получив контузию от взрыва гранаты, на короткое время вышел из строя, но успел спрятаться: следующий выстрел из «РГД» его не нашёл. От осколков его спас защитный жилет и боеприпасы разгрузки.

Черёмуха попыталась отомстить и устранить всех чеченцев, среди которых мелькали славянские лица. Потеряв трёх-четырёх человек, банда отступила.

«Двойка» вернулась на «базу».

Вспомнилось, как Ирина и Николай смотрели друг на друга, пожирая глазами, с трудом сдерживая страсть и желание.

Они любили. Об этом знали все. Уже в июле Ирина соблазняла Никиту, но вдруг обострившиеся память и любовь к жене остановили парня, не дали согрешить снова.

И Ира Сазонова поняла, что это конец их связям. Какое-то время она ходила мрачной и молчаливой.

Потом как-то незаметно у них с Николаем завязалась дружба. Больше! Любовь. А потом, очень скоро, оказалось, что Ирина беременна. Боевой пловец нарадоваться не мог. Но появлялись определённые заботы и проблемы.

А город жил. Грозный существовал, несмотря на постоянные обстрелы, бомбёжки, убийства, голод и грабежи, на нескончаемый поток беженцев.

Плодоносили и ароматно пахли на всю округу частные сады, запylённые, задымлённые и обгорелые. Радовали взор чёрно-зелёные резные листья, оставшиеся деревья и редкие цветники. Хотя радовать было особенно некого.

После захвата большим отрядом сепаратистов части Грозного работы у группы Ильича прибавилось. «Чёрные волки» были повсюду!

«Двойка» (один основной, один страхующий) появлялись, в основном, ночью.

Чёрные эластичные непромокаемые одежды, современное оружие и средства связи, большой опыт и отменное мастерство, строгая дисциплина и преданность Отечеству.

И они чистили город. Они истребляли нечисть, мало отвлекаясь на открытые выступления боевиков и их схватки с «федералами». Они занимались только потусторонним. Теневая война! Чистка.

«Волки» и потом сделали многое: после вновь начавшихся в первых числах сентября боевых действий между самановцами, Кандарбиевым и «федералами».

Участвовали в освобождении тринадцати журналистов, ослабляли кольцо вокруг Управления ФСБ Грозного, где осаждённые спецы и работники Службы Безопасности дрались с отчаянной жестокостью.

Так и не сдались, не проиграли!

В середине сентября полковник Шулепов получил сигнал-шифровку от друга, бывшего кэзгэбэшника, помощника Секретаря СБ Российской Федерации.

– Ребята... бойцы! Все вы знаете, как сейчас стране необходим мир с Чечнёй! – как-то обратился к своим бойцам Ильич. – Неважно, будет это победа или просто мирное заключение, но сделать это НУЖНО! Президент доверил это Секретарю СБ, а теперь, дорогие братцы-кролики, просят помощи и поддержки у нас! Да-да, не удивляйтесь! Вот шифровка от моего друга, который является доверенным лицом Секретаря СБ. Можете убедиться сами. Шестнадцатого ОН сам будет здесь, в Грозном!!! Наша обязанность – подстраховать! Дальнее окружение, радиус до километра...

В ус дунули, как говорится, все!

Приготовились, собрались, рассредоточились автономные самрасчёты.

И, несмотря на обилие в городе экстремистов и большое количество противника, приезд Секретаря СБ и двухдневные переговоры с главарями сепаратистов прошли удачно.

И «объект» остался невредимым (хотя это заслуга не только группы Ильича, но и тройной Безопасности «важняка»), и звезда мирных соглашений засияла ярче.

Но в Чечне война продолжалась!

Никита, видевший доселе не одну смерть, сам истребивший не одну жизнь, столько убитых и изуродованных не представлял. Его «послужной чёрный список» перевалил за сотню. Но он не останавливался и уничтожал дальше, дырявил, кромсал, распылял.

Восемнадцатого список убиенных резко пополнился. Из городской тюрьмы бежало более трёхсот заключённых, которые незамедлительно начали убивать, насиловать, мародёрствовать. Возникла опасность присоединения их к пятитысячной армии Салманова и Кандарбиева, заполненной такими же головорезами и бандитами.

Недалеко от тюрьмы расположился НП Никиты и Филина. По рации уловили донесение командира СОМа из разгромленной зоны о побеге зеков.

Вскоре Никита и сам увидел людей в грязных рваных тюремных формах, одних осторожных, других наглых, счастливых, злых и обезумевших.

Под рукой был «РГ-6», а у Филина пулемёт «Шквал». Ручные гранаты и автоматы «Кедр».

В ход пустили всё! И трупов было море. Как и крови.

Как-то Никита наблюдал из очередного НП, как снайперы из контрразведки совместно со СПЕЦНАЗом ликвидировали целый автобус с боевиками. Все сорок человек.

Снова сообщение: под угрозой нападения 2-я городская больница. Цель боевиков – наркотические вещества, морфий и тому подобное. Захватить. Следовательно?

У больницы дежурили Ирина с Гарпуном. Четыре дня наблюдали засаду ОМОНа, ударной группы ВВ и ещё каких-то незнакомых в серой однотонной униформе. «БМП», два «БэТ-ээРа» и новейший танк «Т-80У».

Ирина щёлкала «сто семнадцатой эмкой» всех подозрительных в округе. Гарпун уничтожил автомобиль с боевиками. По тому, как рвало «Ниву» и полыхало кругом, «двойка» догадалась, какие сюрпризы везли в ней.

И, как всегда, стремглав исчезли, сменив НП.

Но в конце лета – начале осени 1996 года, машина перемирий ускорила обороты.

26.08. генерал ввёл в Грозном и других пунктах Чечни совместные посты-патрули, как когда-то в Приднестровье. Молодец! Задуманное свершилось! Патрульные славянской и кавказской национальности крейсировали по улицам и окраинам спокойно и открыто, хотя недоумения с обеих сторон были. То действовали отдельные банды «непримиримых» или нелегальные формирования сепаратистов, то палила в темень «второго Сталинграда» дежурная вертушка – «мишка» МВД или строчил «КПДС» с «БТРа». А война снайперов вообще не прекращалась! И здесь ещё работали «волки» Ильича.

Но в общем российско-чеченские мирные переговоры набрали силу. Особенно после полутаинственных личных встреч Мосхадова и Секретаря Совета Безопасности.

Не хотел только почему-то принимать у себя Секретаря СБ РФ сам Президент. Не мог? Скорее, не хотел!

Но пришлось. Больной, опухший, невнятно бормочущий нечленораздельные фразы, последний всё-таки дал «добро».

И с 1 сентября 1996 года начался вывод федеральных войск из Чечни. Война потихоньку стала ослабевать.

Кто-то торжествовал: очень многие и многие, но кое-кто метался, злился и ворчал. На ухо Президенту и премьеру.

Генерал-десантник обвинял министра МВД, а тот огрызался на Секретаря Совета Безопасности России. Но скрытно, скупно, лихорадочно протирая очки и крутя головой, как орёл на горе.

Были враги! Много было заинтересованных в войне. Война – деньги! Деньги – власть! Власть – война, деньги!!! Чёрный круг.

Шептались, шушукались, бранились. Подлизывались и сговаривались. Суетились.

Работа в Чечне для «волков» закончилась. Начиналось другое «дело». Они теперь нужны были в Москве и в самой России. Так сказал Ильич. Так просил помощник Секретаря СБ. Так хотел ОН!

Свернувшись и уничтожив следы, группа выбиралась из Грозного. И, в отличие от «федералов» и беженцев, нелегально и тайно. В глубоком молчании.

8 сентября Топоркову Никите запомнилось отчётливо и на всю жизнь. Шли гуськом, с интервалом в двадцать метров. Ночью. Первым с прибором инфракрасного наблюдения и металлопоиска двигался Ильич. Далее – Гарпун, Черёмуха, Филин, Никита. Замыкающим – Буран.

Обошли минные поля, просочились через совместные заградительные отряды, миновали, уложив двух постовых в состояние обморока, полосу внутренних войск.

За городом очутились на берегу реки. Карабкались по галечнику и валунам, пробирались сквозь лес.

В километре от Грозного непростительно сгруппировались. Интервал нарушился из-за пересечённой местности и угрозы потерять друг друга из вида.

Ильич проворонил, точнее, не усёк прибором пластиковую мину. Противопехотную, пакистанского производства.

Взрыв грозой пронёсся по опушке леса, и эхо утонуло в ущелье и густых зарослях массива. Залегли.

Скоротечный осмотр и беглая связь определили и выявили неутешительное, прискорбное, горькое.

Гарпуна изрешетило насмерть. Ирине проклятый, невидимый рентгенами осколок, попал в живот. Самому полковнику оторвало стопу ноги, изуродовало гениталии. Но жив остался, хотя потерял много крови, пока Филин и бывший «альфовец» смогли что-то сделать.

Сазонова Ирина умерла на руках Никиты. Успела только сказать:

– Никит... он умер? А я... туда? Да?! Мамочка!.. Всё, Ники... Я так люблю... Прости!

Эти слова Топорков запомнил навсегда. До боли и слёз.

– Я не могу, Сергей! – сказал он через пять минут после взрыва, зажав голову руками в беспальных перчатках.

– Хорошо, Никит! Я сам.

Но Топорков видел, как тяжело Филину совершать этот акт. Он взглянул на удаляющихся Бурана и Ильича на плече «альфовца», на испуганного парня, на раздетые и обезоруженные трупы Николая – боевого пловца и Ирины Сазоновой – его коллеги и хорошей подруги, высы-

пал на их лица и кисти рук порох и поджог. Огонь быстро уничтожил внешность погибших друзей. Но этого Никита уже не видел: он догонял «двойку» Ильича, смахивая на ходу слёзы.

Скоро его нагнал и Филин...

...Никита открыл глаза. Еле-еле проглотил ком в горле и почувствовал сильную жажду. Вытянул шею, разыскивая взглядом стюардессу, но спасение в форме симпатичной стройной блондиночки уже шло навстречу.

Девушка угостила газировкой, булочками и колбасой. Желудок проурчал, высказывая нетерпение, а губы прошептали благодарность красотке. Вскоре скупой завтрак пропал в чреве молодого организма. Утолив голодные и сухие спазмы желудка, парень посмотрел в иллюминатор. Чистое, сине-розоватое небо. Далеко внизу – перина кучерявых облаков, с того борта лайнера нещадно палит солнце, а прикрывшиеся от него пассажиры тихо дремлют в мягких креслах.

Никита поёрзал, бросил равнодушный взгляд на соседку, читающую запоем любовный роман, и снова погрузился в воспоминания...

...Прощались в Краснодаре. Шулепова, переодев и облегчив от всякого оружейного хлама, отправили в больницу. Полковник лёг на койку и побледнел, как покойник. Пока Филин улаживал все формальности по лечению и комфорту Ильича с главврачом, двигая по полированному столу тоненькую пачку крупненьких американских купюр, Топорков и Фёдор разговаривали с командиром.

Полковник, приподнявшись на локтях и поправив ворот пижамы, обратился сначала к Бурану:

– Федя, если ты точно решил отправиться к семье, обратно в логово этого Михася, ты должен понять одно: тебе теперь сможет помочь лишь Никита! Я теперь не боец, Фил уходит ТУДА, других надёжных и верных друзей у тебя не будет! У парня работы хватит. А вот тебе придётся туго! Ты хорошо решил?

– Да, Ильич!

– И не уйдёшь из города?

– Я уже подумал, Ильич. Я останусь. У меня есть планчик небольшой! С женой и детьми. Но закончить с ребятами Михася я обязан!

– Понял, боец! Действуй. И будь собран всегда! Такая уж у тебя работа! А Никиту вызывай только в крайнем, понял?

– Знаю, Ильич.

Полковник повернулся к Топоркову, свесившему голову ниже шеи. Похлопал его по колену.

– Никита, тебе предстоит не менее опасное!

– Ильич, да ладно...

– ...Для тебя, парень, эта работа новая, попотеть придётся! И совершенно незнакомая! Справляйся, Истребитель!

– Постараюсь! Ты только выздоравливай, командир! А там бегать будешь, как архаровец! Протезы сейчас знаешь какие делают!?

Шулепов потупил взгляд, сжал скулы и покрылся красными пятнами.

Никита наступил на большую мозоль: все знали, что полковник больше никогда не сможет бегать по пересечённой местности, лазить по горам и лесу, драться и держать себя в былой физической форме. Правильно сказал: больше не боец!

– Извини, Ильич! – сказал парень.

– Пустое, парень, пустое!

Они прощались. Теперь друзья знали, что встретиться им не суждено. Наверняка не доведётся.

Они обнимались и целовались. Как братья. Как прощаются только самые хорошие друзья. Они и были лучшими друзьями!

Ильич остался в Краснодаре. Надолго. Ему никто не завидовал.

Бывший «альфовец» Фёдор Буран, верный отчизне сын, не плюнул на всю эту чехарду. Подобно Никите Топоркову, он расправился с мафией у себя на родине, в Карелии. Но там ещё была и месть. Люди местного «крёстного» убили его брата и отца. Поступили непростительно. И теперь раскаивались: Буран всё ближе и ближе подбирался к горлу главаря, оставляя после себя штабеля трупов. И если бы не вызов Ильича, не Чечня, оторвавшая его от семьи и «работы» на два месяца, в родном регионе всё стало бы чисто. Теперь он возвращался.

Филин, не вникая в советы и просьбы командира, уговорившего Топоркова, послушался и решил эмигрировать. Навострился в Европу. Здесь ему делать было нечего: так считал он. А за границей плакали по нему денежки, спокойная ровная жизнь, беззаботность, комфорт и многое другое.

Выбрал Бельгию. И намылился туда. Но не теряя связь с друзьями.

– Если что, зовите! Помогу обязательно. Да и про меня не забывайте. Мало ли что!

Топорков Никита засобиравшись в Москву. По наставлению Ильича. Связаться с полковником Сафоновым, заменившим Шулепова на посту начальника 7-го подотдела физвоздействий «СМ». Держаться за него. Хороший человек. Новый Секретарь СБ плохих не ставил.

Выяснить насчёт своих следов в Особом отделе, прощупать ситуацию в Шумени – как там, что там. После него!

И обязательно через полковника встретиться с Секретарём Совета Безопасности России. Тому нужна помощь. Очень.

Какая, зачем, почему именно Топорков, Никита не знал. Да и Ильич понятия не имел. Примерно, вокруг да около. Секретарю СБ нужна безопасность, помощь, верный человек. Профессионал.

– И этим профи будешь ты, Никита! – твёрдо сказал Шулепов.

На следующий день после помещения Ильича в больницу друзья расстались. И никто не думал, что навсегда.

В полдень и вечером, по одному, с разных точек, в полной конспирации и усиленном гриме спецы, «чёрные волки» покинули Краснодар. В разных направлениях.

Полковник Шулепов Пётр Ильич остался в южном городе. Этого человека, по последнему паспорту Паршина Николая Васильевича, ждало впереди не менее загадочное, неизвестное и где-то жестокое будущее.

Все последующие события Никита Топорков помнил более чем отчётливо. До мельчайших подробностей. Потому что такое не забывается!

Москва. 29 сентября 1996 г.

Столица встретила парня шумом, невообразимым гвалтом и необычайно пёстрой цветовой гаммой. Такого скопища народа, машин и зданий Никита не видел давно. Со времён срочного устранения Ревизора. И хотя многое, что предстало перед глазами по прибытию на вокзал, не отличалось от той же Шумени или других крупных городов страны, всё же обратило в лёгкий экстаз, в панику.

Всё те же – смог в воздухе, челночники и цыгане, хачики и бичи, которых мэр первопрестольной обещался вышвырнуть за 101 километр; нужды и заботы, мелкий, незаметный рэкет и серые патрули, коммерческие ларьки и бабки-попрошайки!

Гудки, смех, ругань, крики, скрип, шипение, лай, хлопки. Тарахтение, вой, лязг и дребезжание, свист и стоны. Шепотки на фоне грохота, грома и гула.

Но это была Москва! Сердце, оплот, волшебное, магическое и неповторимое.

Для кого-то гадюшник и всесоюзная помойка, для кого-то – идеал, мечта, культ, предел фантазии. Центр чистоты и порядка.

Но Москву надо смотреть в разных ракурсах. Это спектр, где нужно выбрать какой-нибудь цвет и размер, а затем наблюдать, поглядывать, взирать. И наслаждаться или негодовать.

Это Москва, где совсем разные взгляды, представления, настрои и отзывы. Несравнимы здесь мысли о родном городе жителей-патриотов и приезжих-иностранцев! Белое и чёрное. Небо и земля.

Для Топоркова столица осенью девяносто шестого показалась чем-то средним между «нормально» и «отвратительно».

Первые впечатления, ахи и охи улеглись, свет лучезарного города потихоньку померк, а парень окунулся в рутину и сумрак большого и очень проблематичного центра всей России.

Пока освоился и обустроился в гостинице, как только облегчённо вздохнул и более-менее расслабился, наступил вечер.

Долго бродил по Москве, обходил крупные магазины, супермаркеты и Красную площадь, пристально изучал Кремль, собор, Мавзолей, памятники великих и известных.

Скоро всё закрылось, запретилось, город засыпал и затихал. Но начиналась ночная забавная жизнь столицы. Гуляния, вечеринки, клубы и рестораны, тусовки, дежурные патрули и разноцветные фонари на улицах. Да ещё какой-то фейерверк на Садовом кольце. Видно, какой-то загулявший авторитет отрывался.

Никита поздно возвратился в гостиницу, помылся, перекусил едой, купленной в бистро, и заснул.

Завтра его ждали новости, предложения, дела. И снова прыжок в будущее, игра со Смертью, прятки-догонялки.

Завтра его ожидало НЕЧТО!!!

Полковник Сафонов, как всегда, встал в шесть утра, сделал зарядку, отдернул шторы и разбудил жену. Физические упражнения он обязательно выполнял каждый день, и ещё более важным пунктом в разминке значилась темнота. Профи бодрил тело гимнастическими и силовыми упражнениями в абсолютной тьме. И только после этого раздвигал светонепроницаемые шторы и встречал утро.

И сейчас он всё выполнил по старой привычке. Пока полусонная супруга умывалась и готовила завтрак, что-то бурча под нос, Сафонов оделся, собрал в папку из крокодильей кожи все необходимые сегодня документы и хотел взглянуть на себя в зеркало, как вдруг зазвонил телефон.

Полковник немало удивился. Утром, в полседьмого, да к тому же домой, ему никто никогда за последние одиннадцать месяцев не звонил.

Тем не менее он взял трубку телефона, махнув рукой жене, чтоб та удалилась.

– Слушаю Вас!

– Леонид Борисович, доброе утро! – раздался в трубке стальной однотонный грубоватый голос.

Сафонов сразу узнал его. И заметно вздрогнул, побледнел и невольно вытянулся по струнке.

– Доброе утро, Александр Ива...

– ... Лёня, как идут дела с сектой? Что нового? Ты сделал то, что я просил?

– Да... нет. Я сегодня встречаюсь со своим человеком, доложу вам. Это не телефонный разговор, извините! Во сколько Вы меня примете, Але...

– ... Если я звоню, дорогой Лёничка, значит, можно! Хорошо, в 11.00 будь у меня. Что с твоим человеком?

– Скоро будет. Очень скоро. Ожидаем со дня на день.

- Скоро? Та-а-к. Ну-ну.
- Надёжный человек! Верный!
- Хорошо, Леонид, в 11 часов!

Ухо прострелили гудки. Сафонов выдохнул. Провёл ладонью по лицу, снимая невидимую усталость и напряжение. Это с утра-то!

– Верный! – вслух сказал полковник, застыв возле телефона в тяжёлых думах. – Откуда я знаю, чёрт побери!

Пятиэтажный кирпичный дом, где заканчивалась сходка членов ультрарадикальной террористической группировки, в узких кругах спецслужб – секты «Чёрные Вдовы», находился в глубине микрорайона, расположенного в юго-западной части Москвы.

Улица, где стоял дом, не имела названия, то есть видимого, так как таблички пятиэтажки и прилегающих домов отсутствовали или были затёрты и замазаны краской.

Обыкновенный кирпичный жилой дом с шестью подъездами, детская площадка, автостоянка, несколько гаражей, да сплошной забор соседнего роддома.

Народ во дворе не наблюдался в это время, поэтому мужчина в вязаном сером свитере и молоденькая женщина в зелёной кофточке из ангорки опытному разведчику стали бы подозрительны. Но так как никто из спецов и профи секретных федеральных служб во дворе не присутствовал, то парочка на крыльце среднего подъезда не привлекала внимания.

Это была охрана нелегального формирования, причём звено среднего кольца безопасности. На теле каждого висел «Скорпион» и по паре югославских ручных гранат «Балк».

Внутренняя охрана затаилась на лестничных площадках и в трёхкомнатной благоустроенной квартире, где только что велись жаркие дискуссии по поводу дальнейших действий всех членов группировки радикалов и принимаемых мер безопасности для каждого.

В большом, со вкусом обставленном мебельным гарнитуром зале, при свете жёлтого абажура и задёрнутых портьеров, в дыму ментоловых сигарет, разговаривали восемь человек.

Беседовали тихо, спокойно, особой внешностью не выделялись, шоркали ногами по эмиратскому ковру да елозили на местах, постоянно меняя позы.

Добрые приятные лица, негромкая тактично выслушиваемая речь очередного оратора, иногда ровные непринуждённые монологи. Без криков, эмоций, ругани. Без заметной возни или стресса.

Всё бы ничего, да только компания имела две особенности: все присутствующие были женщинами! И все вынашивали вслух и про себя страшные опасные и вредные планы!

Здесь собралось ядро, элита секты «Чёрные Вдовы»! И намерения их виделись в чёрном цвете, и более чем нечеловеческими.

– Он должен быть ликвидирован, – говорила самая главная, лидер секты, пожилая, но миловидная женщина в белой кофте и юбке из мокрого шёлка. – Если мы не можем его убрать из Игры калек, инвалидом, или заставить покинуть поле и отойти от всех дел, то нужно стереть его с лица земли вообще. И сделать мы ЭТО должны любой ценой и очень скоро. Чем быстрее, тем лучше. У меня всё, дамы.

Все члены Высшей Касты «Чёрных Вдов» переглянулись и почти одновременно посмотрели на первую.

Эта же, в свою очередь, взглянула на каждую из них. Знакомые родные чистые лица со взорами преданности и верности. Разный возраст, разные привилегии, совершенно различные работы и семьи. Но у всех одно ДЕЛО, одна вера, одна задача! И все профессионалки.

«И они всё сделают лучше мужчин!» – подумала Первая Чёрная Вдова, бывшая супруга одного из самых высокопоставленных чинов правительства бывшего СССР, имеющая связи среди ближайших друзей Президента РФ.

Она поднялась с кресла и сделала жест рукой, означающий конец сходки, собрания, планёрки. И начало осуществления террористической аферы, страшной Игры в смерть, затрагивающей многие и многие лица высшей иерархии управления страны.

Утром в субботу, в полдесятого, Топорков Никита выстоял очередь в телефон-автомат, достал бумажку с цифрами, которые ему дал в Краснодаре Ильич, и набрал номер.

– Слушаю Вас! – отчётливо услышал парень в трубке, представляя, как где-то автоматически включаются записывающие устройства, в машину прыгают отлично подготовленные ребята из спецслужб, а кто-то, наверное, левый, прослушивает разговор. И, кстати сказать, он почти не ошибался. Поэтому говорил чётко, кратко, уже обдумывая план дальнейших действий (ПДД) и подстраховки.

– Леонид Борисович?

– Он самый! А кто...

– ... Гость с Майдана! – выразительно представился Никита и сильнее прижал трубку к уху ладонью-лодочкой. – Не называйте моё имя на всякий случай. Я в Москве. По просьбе Ильича. Готов вас выслушать и помочь. Работа, я понял, оплачиваемая!

– Конечно, дорогой! Но сейчас не об этом разговор. Приезжай сейчас...

– ... Встречаемся на Пушкина, возле магазина, напротив театральных афиш, – отрезал Никита и взглянул на часы, – будем закругляться, Леонид Борисович. И никаких фокусов! На стрелке я подойду только к вам! До встречи через двадцать минут.

Вероятно, Сафонов хотел сказать ещё что-то, но Топорков повесил трубку и быстро зашагал вдоль дома, смешиваясь с толпой.

Назначенное парнем время истекло, и ровно за минуту до приезда полковника появилась «восьмёрка» синего цвета, сбросившая скорость на перекрёстке и медленнодвигающаяся вдоль противоположного тротуара к месту встречи.

Истребитель был парень не промах! Подстраховался серьёзно.

Десять минут назад он подошёл к первому встречному молодому мужичку, предложил сотню долларов. За что? Нужно постоять возле коммерческого ларька, пока сам он, плательщик, сбегает в магазин. Если подъедет автомобиль и его окликнут, пусть скажет, что хозяин, сам парень, сейчас подойдёт.

– Понял, земляк?

– Лады, братишка!

Никита дал задаток пятьдесят «баксов» и сиганул в продуктовый, где заранее присмотрел проход через служебное помещение во дворы домов, кое-кому дал на лапу.

Ничего не подозревающий и ни о чём плохом не помышляющий мужик в тренерке «Монтана» и синих джинсах исправно отрабатывал лёгкие деньги, мысленно тратя их на дешёвую куртку из грузинской кожи. Скоро ведь холода настанут!

Никита обошёл здание и выглянул из арки. В руке у него находился букет гвоздик. Для отвода глаз.

Непринуждённый равнодушный взор, поза ожидающего возлюбленную молодого человека. Внимательные острые глаза под маской невинности и простодушия. Крепкая рука.

«Восьмёрка», не останавливаясь, опустила боковое тонированное стекло. Кто там сидел, трудно различить. Двое или трое мужчин.

Мужичок в джинсах и тренерке заметил пристальный взгляд из машины. Вздёрнул брови и неопределённо протянул руку.

Незнакомцы в синем авто шелохнулись и оценили жест приглашения. Затем «восьмёрка» взревела и помчалась по проспекту.

А мужчина, нанятый Топорковым, согнулся пополам и завалился на тротуар. Дёрнул ногой и затих.

В следующие секунды к нему кинулись прохожие.

Никита хмыкнул, на всякий случай запомнил номер автомашины и зашагал через дорогу к парку, к афишам театра.

Сафонова он увидел первым. Расселся с цветами, подарив их полковнику в машине под улыбку шофёра и смех человека в штатском на переднем сиденье, разрядил обстановку шуточкой, снял с боевого взвода «Стерлинг Мк-7» в рукаве и посоветовал водителю побыстрее сматываться.

Чёрная тонированная «волга» без шума поплыла по проспекту, аккуратно соблюдая правила дорожного движения, и скоро скрылась за парком.

Комната, в которой спустя сорок минут разговаривали друг с другом полковник ФСБ Сафонов и Топорков, находилась на пятом этаже белой «девятины», торчащей свечой в районе Лужников.

Маленькая, в восемь квадратов, завешанная и заставленная картинами, иконами и скульптурами, тихая, полузатемнённая – она казалась клеткой какого-то таинственного и добродушного зверька.

Несмотря на обилие в комнате предметов и вашей, загадочную атмосферу, царящую здесь, кругом было чисто и свежо. Видимо, кто-то следил и ухаживал за квартирой, но не жил. Так, навещали регулярно и наводили порядок. Ни пыли, ни мусора, ни застоявшихся запахов.

И еле-еле пробивающийся сквозь окно и тюль матовый, слабенький луч субботнего осеннего солнышка.

Здесь и очутились Истребитель и Сафонов, носящий в узких кругах спецслужб прозвище «Беркут».

Ещё в машине Топорков рассказал полковнику о трагедии на улице Пушкина. Всё в подробностях.

Сафонов внимательно разглядывал загримированного парня и так же внимательно слушал его.

Сейчас же, не пропуская ничего мимо ушей и аккуратно раскладывая по полочкам мозга информацию, Никита долго внимал речи собеседника.

Желтолицый то ли от курения, то ли от какой-то болезни, маленький, но коренастый, с небольшой лысиной спереди, Сафонов производил впечатление хитрого и опасного шпиона, такого карлика-агента 008. В его поведении, жестах и мимике лица сквозили мудрость, остроумие, а также сила.

Он говорил внятно, гладко, медленно, будто пытался хорошо внедрить в мозжечок парня всё, что знал сам, не только главное. И при этом ни на миг не отрывал рентгеновского взгляда от Топоркова.

Полковник вкратце ознакомил Никиту со своей биографией, хотя парень не понимал, зачем ему это надо. Рассказал о работе в спецслужбах России, некоторые секреты деятельности ФСБ, последние неудачи и будущие назревающие проблемы.

– Я, в принципе, наслышан об этом, Леонид Борисович! – известил полковника Топорков, заёрзав в кресле и поправляя сбившуюся со спинки накидку.

– Тебя Ильич обо ВСЁМ проинформировал? – спросил Сафонов, присаживаясь на скрипучий стул.

– О многом!

– Та-а-к. Ладно, – вздохнул полковник, подтянул галстук и достал зажигалку и сигареты, – куришь?

– А вы не знаете? – ехидно бросил парень.

– Гм, острый ты парень! Наслышан, наслышан! Ты мне доверяешь? – вдруг спросил эфэсбэшник, сунув руку во внутренний карман пиджака.

– Почему-то да! Хотя я ещё вас мало знаю. Вообще не знаю!

– Почему-то?!

– А спецслужбам сейчас, да и раньше, никогда не доверяли! Многие. А я отношусь ко «многим». Но вам верю, Леонид Борисович! Если б не Ильич, я бы сюда не приехал.

– Что, так бы инкогнито и метался по стране? – пробурчал полковник сквозь сигарету во рту, не переставая копошиться в нагрудном кармане.

– Может быть! Мне не привыкать.

Сафонов понял наконец, что внимание Топоркова рассеялось, мгновенно выдернул руку из-за отворота пиджака и... метнул в парня одноразовую стеклянную зажигалку. С такой скоростью, что на размышления и действия оставалась ровно секунда.

Он догадывался о том, что парень – фокусник тот ещё. Знал и заочно любил Никиту, за его способности. Профессионалов полковник уважал. Он предполагал, что Истребитель ловок, стремителен, хитёр и остроумен.

Но не до такой же степени!

То, что увидел Сафонов, он раньше никогда не встречал и запомнил на всю жизнь. Такие трюки не забываются.

Никита дёрнулся всем телом, оторвав его от кресла, пружиной взмыл на метр вверх, и в прыжке, описывая в воздухе удар ногой полукругом, туфлей сбил зажигалку на лету. Та устремилась к стене и разлетелась на кусочки.

Молчание длилось несколько секунд.

– Неплохо, неплохо, парень! – отозвался наконец ошеломлённый полковник, вдавливая тело в стул и не сводя взгляда с Никиты.

– Может не будем терять время на проверки и перестраховки?! – ехидно проворчал Топорков. – Что детский сад тут устраивать?!

Они встретились взглядами.

– Правильно, парень, давай! – и Сафонов ещё раз убедился в верном выборе спецagenta.

Никита заметил, что эфэсбэшник хочет сказать что-то ещё, но перебил его, невзирая на всякие этикеты, культуру ведения диалога Карнеги и прочих королей вежливости и такта.

– Насчёт будущей работы хотелось бы кое-что обсудить, – сказал парень и, догадавшись, что полковник об этом и собирался побеседовать, продолжил: – Работать у ВАС я буду! Это однозначно. Это мой долг, если предстоящее дельце связано с защитой и интересами страны и народа! Это не громкие слова, Леонид Борисович! Как хотите, воспринимайте мою клятву, но я сделаю всё, что от меня требуется. Проследить, выяснить, подставить, убрать или прикрыть – я всё выполню! Мы с ребятами поклялись. За погибших и за живых! Единственное, что хочу отметить: не играйте со мной и не предавайте! Не прощу! У меня всё.

Сафонов проглотил ком в горле. Парень ему определённо нравился. Он должен быть ЗДЕСЬ, с ним, с полковником!

«Человек Шулепова – мой человек!» – считал Сафонов.

Он провёл рукой по лицу, затем полуобернулся, взял с пола дипломат шоколадного цвета и достал из него кое-какие бумаги. Одну протянул Топоркову.

– Прочитай. Ознакомься.

Никита сначала бегло, а потом более внимательно пробежал напряжённым взглядом по печатным строчкам серого листа.

«Чёрные Вдовы. Членистоногие ядовитые насекомые. От 10 до 70 мм в диаметре. Чёрной, тёмно-коричневой и серой окраски с яркими красными или оранжевыми пятнами на головобрюхе. Представители в Северной Америке, Южной Европе, Африке, Юго-Восточной Азии и Австралии. Плетение паутины как для охоты и откладывания яиц, так и для собственной безопасности, в отличие от остальных видов паукообразных. Самки рьяно и ревниво оберегают

яйца. Линька до 7–8 раз за время существования. Несмотря на броскую расцветку, отлично маскируются и жестоки в обороне. Укус «чёрной вдовы» смертелен для животных и человека».

Никита посмотрел на полковника, брови поползли вверх, а уголки губ чуть опустились: гримаса недоумения.

– Глупый вопрос, но при чём здесь пауки?

– Я ждал твоего глупого вопроса! – воскликнул Сафонов и протянул Топоркову следующую бумагу.

Снова такой же серый листочек, ровные чёткие печатные слова, интересная информация. Кратко, понятно, ошеломляюще.

«Чёрные Вдовы. Ультрарадикальная террористическая организация, бывшее прокоммунистическое боевое объединение «Красные маски». Маскировка: религиозная сатанинская секта. Вид деятельности: преследование, шантаж, вымогательство, боевые выступления, как массовые, так и одиночные. Заказные и самостоятельно спланированные убийства. Шпионаж. Диверсионные операции. Прямое участие в политических распрях, отстрел неугодных высших должностных лиц верхнего эшелона власти и видных уголовных авторитетов криминальной среды. Существует с 1983 года, предположительно сформирована бывшим генерал-лейтенантом КГБ СССР Прушниковым А.А., эмигрировавшим в 1991 г. в ЮАР.

Глава организации – объявленный в федеральный розыск Шлюсов В.Г., в прошлом секретарь небезызвестной СДПР – Социал-Демократической партии России.

Лидер «Чёрных Вдов» – женщина 45–50 лет неопределённой внешности и телосложения. Сведений не имеется.

Состав секты – 15–20 человек, большинство женского пола.

Район деятельности – Москва, столицы Прибалтики, Минск, Санкт-Петербург, бывшие азиатские республики СССР и Центральная Европа.

Оснащены современными видами огнестрельного оружия, опасны в ближнем бою, владеют уникальным секретным средством уничтожения живой силы, созданным на основе контактных комплексных Растительно-Животных Ядов ЦАНИЛ СССР.

Опасны и жестоки.

Список жертв УПТО «Чёрные Вдовы» прилагается».

Никита просмотрел «чёрный список» и ужаснулся. Многие фамилии ему были известны: политики, учёные и таланты в сфере искусства кино, театра, литературы и экономики. Некоторые «крёстные» СССР и России. Зарубежные «звёзды».

Топорков прочитал всё, но отметил главное, подчёркнутое жирными красными линиями. Долго и пристально рассматривал фотографии некоторых членов секты и подозреваемых в сотрудничестве с ними.

– Ну как?!

– Мдаааа уж! И что нужно от меня? Ликвидировать всю секту или найти и скормить крокодилам в Африке этого Прушникова?!

– Давай серьёзно!

– Хорошо! Извините.

Сафонов показал фото одного человека и тотчас спрятал в нагрудный карман.

– Узнал?

– Конечно!

– Следующей жертвой Чёрных Вдов будет ОН!

– !!!

– Ему нужна наша помощь! Защита.

– Почему... почему «будет»? – рассеянно спросил Никита, потирая большим пальцем висок.

– Что? – не понял Сафонов.

– Вы сказали: «следующим будет он». Почему «будет»?

– Я хотел сказать «назначен»! ОНИ задумали теракт над НИМ! Известно из достоверных источников.

– А-а, понятно! – промямлил парень.

– Никита, удивляться здесь нечему! Это действительно так. У Секретаря, назовём его так, много врагов. Больше, чем друзей! И очень многие из врагов желают расквитаться с НИМ, упрятать в подполы Кремля, или вообще избавиться. Послушай теперь меня внимательно. Не перебивай. То, что я сейчас расскажу – не только моё мнение. Запомни!

Когда-нибудь, может быть, очень скоро, Секретаря уберут всё равно! Да-да, не удивляйся! Не «Чёрные Вдовы», так другие. Его смерти хотят. Считают, что ОН лишний, неугодный. Слишком рьяно взялся за новую работу, новая должность не для него, предполагает очистить всю верхушку, пробежаться огнём по всей структуре. Искоренить коррупцию в Думе, Кремле, спецслужбах и «обороне». Но и это не всё! Журналисты и министр МВД кричат, что ОН намерен создать так называемые «эскадроны смерти». Эти карательные отряды, «летучие», как их ещё упоминают некоторые посвящённые в ЕГО секретные дела профи, должны внедриться и серьёзно заняться чисткой криминальных структур. Действовать жёстко, более того – жестоко! Методом расстрелов на месте преступлений и физических расправ. Эхо НКВД, но более мобильное и совершенное. Состоящие в этих супергруппах спецы должны быть и будут самыми надёжными, сильными и отчаянными. Элита. Избранные! Машины смерти. Сто человек на всю страну. По пять на регион и область. Со всеми правами и вседозволенностью. На грани закона и беззакония. Быстро, смело, эффективно.

И я верю в такие эскадроны!

Ты знаешь, Никита, ЭТОМУ ЧЕЛОВЕКУ не дадут совершить задуманное! Как пить. Скинут, попросят, сдвинут, уберут. Не знаю как, но свершить эти планы Секретарю, мне кажется, не удастся!

Чему удивляться?! Страной-то правит не Президент, а его окружение! Те, кому ЭТО выгодно! Кто посадил Первого на кресло и дал ему Управление. Кто заинтересован сейчас в продолжении войны в Ичкерии, те, кому на руку огромные затраты и растраты, долги перед народом по всей стране и забастовки, валютные коридоры за кордон и прочее дерьмо.

Я знаю несколько весьма влиятельных лиц, располагаю кучей фамилий и должностей, наслышан о тех, чьи делишки взбудоражили бы весь честной народ и вызвали бы сенсацию, взрыв, волнения в печати и телевидении.

Я ходячий взрывпакет с зажжённым шнуром! Пожалуйста, не задавай лишних вопросов, но я скоро отдам тебе эти списки. Ты их получишь. Мне же опасно держать секретные данные, которые я не должен иметь! Что ты с ними сделаешь – твоя воля. Но об этом будут знать только я и ты, Никита! Обещаю!

Вернёмся к Секретарю. Чёрные Вдовы решили покончить с НИМ. Они пытались сделать это один раз, но помогло чудо, случай, и Секретарь остался жив, даже без царапины. Тогда предположили, что в покушении был задействован один из депутатов Госдумы. Вот его фото и фамилия. Знаешь?

– Угу, – кивнул Никита.

– Прямых доказательств его причастия к операции не нашли, – продолжил Сафонов, убрав фотоснимок в дипломат, – но то, что он состоит в секте – стопроцентно! Запомни на всякий пожарный. Дальше. Чёрные Вдовы сильны и, по всему, могущественны. Крах в покушении на Секретаря ОНИ потерпели, я считаю, только из-за совместного участия в этом деле силовиков одного из авторитетов Москвы – Сильвестра. Вот он!

Что-то не согласовали, не рассчитали, не уложились. Ты знаешь, в операции погибло семь человек из охраны Секретаря и спецподразделения «Орион»? А со стороны Чёрных Вдов только один. Один! Ты представляешь?! Правда, потом нашли на пятьдесят седьмом кило-

метре микроавтобус с пятью трупами боевиков Сильвестра. Предположительно, Вдовы убрали лишних свидетелей-участников покушения из команды авторитета. Но, по нашим сведениям, Сильвестр не мстил секте, что само по себе из ряда вон выходящее! Сильвестр никогда не прощает обмана, предательства и наезда! Да много ли тех, кто такое прощает!?

– Извините, Леонид Борисович, как возможно то, что Сильвестр ещё на свободе и безнаказан? В Шумени, например, уже таких нет!

– Он на прицеле, Никита. Об этом позже, – Сафонов взглянул на часы, – у меня сейчас встреча с Секретарём. Изложу тебе основное, а потом встретимся опять. А пока ознакомься с некоторыми документами. И послушай ещё.

Внимательно изучишь вот ЭТИ бумаги. Секретарь сейчас в большой опасности. «Чёрные Вдовы» вне закона. ЧП может произойти в любой момент. Но по нашим расчётам, а им стоит доверять, покушение на Секретаря СБ РФ произойдёт по строгому плану, повариантно. Объясню. Первой предположительно выступит известная и популярная в стране певица. Вот она.

– Но это же... – воскликнул Топорков, увидев фото молодой эстрадной певицы.

– ... Да, парень, она самая! И она тоже в «Чёрных Вдовах»!

– Неужели это так... Как же так?!

– Никита, ты парень смыслённый! Сам прикинь, как, где, когда ЭТО может случиться. Вот тебе необходимые путеводители, описания, короче, все бумаги. Разбирайся. Я приеду, что-то новенькое привезу. Я знаю, что тебе поможет! Она должна на следующей неделе встретиться с группой политиков. Там будет и Секретарь. Вероятно, покушение состоится при встрече тет-а-тет.

– А...

– ...Избежать контакта Секретаря с Вдовой не получится. Везде оповестили и пропиа-рили встречу. Никак иначе!

– Так серьёзно?! Она точно Вдова?

– Без сомнений!

– А зачем они собираются?

– Встречаются. Шоу-театр Пугачёвой в целях рекламы и поднятия престижа затеял это. А напросилась для этой цели ОНА. Там, возможно, и случится непоправимое.

– Охрана? Люди?

– Никита, если Вдовы задумали операцию, то во второй раз уже никто не спасёт Секретаря. Очередной трюк высших чиновников в Кремле. Я уже говорил, что ЕГО хотят уничтожить.

– Значит, я понял, нельзя допустить, чтоб ОНА и Секретарь встретились? Перехватить раньше?

– Да! Ликвидировать. Но это сложно. Очень, Никита!

– Не бывает ничего...

– ...Бывает, парень! – перебил Сафонов Никиту и метнул испуганный взгляд на часы. – Ну всё, мне пора! Читай, разбирайся, хотя там всё ясно и чётко. Решай. Строй. Я погнал к НЕМУ! Доложу о тебе.

– Я слышал, он мне тогда, в Шуменской Чистке, помог? – спросил Топорков уже вставшего со стула полковника.

– Да. И даже больше, чем ты думаешь! Потом расскажу.

– Мне здесь остаться?

– Оставайся. Здесь ни ушей, ни глаз. Чисто. Там Буслаев, мой человек, – Сафонов показал на входную дверь, – Свой! Страховка. И спец высокого класса.

– Это как сегодня на Пушкина?! – съязвил Никита.

– Извини ещё раз! Наш промах. Сейчас там разбираются наши спецы. Здесь надёжно. Ну, до скорого!

Полковник заспешил в коридор, хлопнул дверью и исчез. Никита остался наедине с документами и фотографиями. Спокойно и методично думал, изредка посматривая в бумаги.

Чёрные Вдовы. Женщины-пауки. Религиозно-террористическая секта. Сильные, хитрые и влиятельные. Подпитка из Кремля. Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации под их прицелом! Так. Сафонов. Можно доверять? Можно. Подзащитному? Чёрт его знает! Буслаев на стрёме! Этого я проверю самолично. Но Ильич меня заверил! А это железно!

Категория опасности? Высшая. Уровень подготовки и инфы – ниже среднего. Круто! Ничего не скажешь.

Убрать эту певунью! Вот я становлюсь шоу-киллером. Влезаю в какую-то трясицу! Так. Ладно.

Бумаги. Снимки. Здесь что? Здесь. Анкета. Записи по прослушке и видеосъёмке. Выводы. Аналитические расчёты. Яблочко на тарелочке с голубой каёмочкой. Ан нет! Это только... только...

Никита в который раз посмотрел на окно. Сквозь тюль еле заметны соседние девятиэтажки.

Что-то нехорошее, колкое засвербило в голове. И до этого такое же состояние наблюдалось. Плоховато!

Когда в душе неудобно, нужно прислушиваться к интуиции. К ней всегда надо прислушиваться! Топорков ЭТО проверял не раз. На деле. И всегда помогало. Пока.

Никита встал с кресла, оглядел живопись и скульптуры, взглянул в окно, скрываясь за портьерой.

Соседний дом. Дом как дом. Ничего подозрительного. Окна блестят на солнце.

Снайпер? Всё может быть. Ведь случай на Пушкина совсем неординарный. Сквозит что-то!

Никита зашторил окно. Теперь плотная ткань наваяла тоску, мрак, но надёжность. Скрыла от посторонних глаз. Возможных потусторонних.

Топорков постоял, немного подумал и передвинул картину местного художника на другое место.

Но и этого показалось мало. Он огляделся. Наморщил лоб. И увидел скульптуру: бюст Андрея Сахарова...

...Человек высокого роста, стоявший у окна соседнего дома, чертыхнулся и оторвался от окуляра. Почесал пальцами ладони, поиграл желваками и снова приник к объективу «СУОНки».

Парня даже сквозь «тепловик» не видно. Вот гад! Просили тебя шторы закрывать да картину перемещать!? Теперь нужен инфраструктурный пунктир! Время уходит.

Мужчина в китайской ветровке опять поднял голову от устройства наблюдения. Немолодое покрытое оспинами и красными пятнами лицо, приняло оттенок мёртвого. Побледнело, зрачки запали, щёки втянулись, а губы сжались.

Человек что-то невнятно шепнул, закрыв глаза. Затем встрепенулся и вышел из состояния зомби. Дотронулся до винтовки, судя по ярлыку на цевье, латиноамериканской штучной сборки. Вдохнул. Бросил взгляд на спортивную сумку и бумажный свёрток, торчащий из неё «Спектр» – инфраструктурный пунктир-монокль специального назначения. Класс секретности – А2.

Снайпер-силовик даже не задумывался о последствиях своих действий. Не вспомнил о двух своих работах: снайпером в спецподразделении «Витязь» и силовиком в боевой организации «Чёрные Вдовы». И напрочь забыл о трупe женщины в коридоре – хозяйки квартиры, где сейчас находился сам.

Он припал к «Спектру» и стал рассчитывать координаты местонахождения парня. Кресло, голова. Через триста метров, сквозь стекла, тюль, шторы, полотно картины. Для спецзгляда «Спектра» и 9-и миллиметровой тупорылой пули с СЦТ это не было помехой.

У него было задание, и был стимул для такой работы!

Полковник Сафонов, проинструктировав лейтенанта Буслаева – черноволосого угрюмого крепыша тридцати лет, вдвоём с водителем отправился к высокопоставленной персоне всех спецслужб России. Соблюдая все меры осторожности, самосохранения и страховки.

Он думал, что скрылся из района конспиративной квартиры незамеченным. Как и часом раньше появился здесь с Истребителем.

Но он крупно ошибался.

Двое силовиков из «Чёрных Вдов» попросту обошли пост внешнего наблюдения ФСБ и удачно проникли в подъезд. Нужный подъезд, где на пятом этаже дежурил профи седьмого подотдела ГУ ФСБ РФ Буслаев Руслан Тимурович. Лейтенант. В штатском.

Три минуты назад он, закончив разговаривать с объектом охраны Топорковым, снова насторожился и приступил к своим прямым обязанностям, выполняя приказ полковника. В принципе, он никогда и не расслаблялся. Ни в диалоге, ни дома, в семье, в ванной или на очке.

«Что ЕМУ надо было от меня?» – недоумевал Буслаев, прислушиваясь к звукам подъезда и чувствуя каждое изменение атмосферы. Руку держал на скобе спускового крючка «МСП».

Парень расспросил лейтенанта о запасном канале связи, секретном арсенале спецснаряжения, шифрах и фамилиях теперешнего седьмого подотдела. Что-то пробурчал насчёт Чёрных Вдов. Узнал про семью Буслаева.

«Что он хотел? А глаза блестели, как у росомахи! А физиономия, как печать, как старая обшарпанная дверь коммуналки. Загримировался конкретно! Слой штукатурки, как у Майкла Джексона! Етить твою налево! Что ему надо было?! – размышлял Буслаев, кусая губу. – Сафонов разрешил давать парню любую информацию. Любую! ОС и ОВ даже! Хорошо!»

Мысли эфэсбэшника прервали шорох платья и стук каблуков по ступенькам. Кто это может быть? Жильцы? Соседи? Противник?

Идёт женщина. С нижнего этажа. Почему не на лифте? Он рабочий. Так. Внимательно! Вспоминай лица хозяек и соседок. Сопоставь. Реагируй на мелочи мимики и жестов. Страхуй лифт. Слушай все звуки подъезда.

Лифт включился. Две секунды. Едет вверх. Восемьдесят процентов – сюда. 85. 90. 95.

– Парень, внимание! Посторонние на лестнице. Витя, Гоша. Внимание. Обоюдный подход к объекту, – отчеканил Буслаев в эфир и напрягся, заметив женщину с хозяйственными котомками.

Никита воспринял сообщение так же внимательно, как и поняла «наружка» ФСБ.

Топорков не знал, что у него на раздумья и действия остаётся полторы минуты.

Агенты внешнего поста наблюдения не догадывались, что это серьёзно и что их напарнику и коллеге грозит смерть. Но зашевелились, двинулись к подъезду.

А лейтенанту Буслаеву и вправду грозила смерть.

Он не узнал по фотопамяти женщину. В списке и числе жительниц дома её точно не было.

– Вы к кому, девушка? – спросил особист, пальцы его сжали рукоять небольшого спецпистолета.

– К Ерохиным, в сто пятьдесят четвёртую квартиру. А что? – возмутилась женщина, начав трясти сумками, из которых выпали две спелые хурмы.

– А-а-а... к Ерохиным... – замялся Буслаев, буравя незнакомку взглядом профи, но услышав лязг остановившегося лифта и скрип открывавшихся дверей, – Тревога! Тре...

Сотрудники ФСБ «Витя» и «Гоша» кинулись к девятиэтажке, надрывно вызывая по рации Сафопова.

Топорков услышал на лестнице и площадке сухие щелчки и стоны, отпрянул от двери и метнулся в комнату. Но застыл на пороге, вздрогнув от неожиданности.

Прямо в метре от него гипсовая голова академика Сахарова разлетелась на куски, рассыпавшись по креслу и полу. Вслед за этим раздался звон стекла на окне и хруст картины. Портьера шелохнулась, родив на ткани дыру величиною с олимпийский рубль СССР.

Фокус, уловка сыщика Шерлока Холмса удалась. Сыграла-таки свою роль подставная фигура!

Никита моментально переиграл ПДД и увидел косяк двери. Не случайно заметил, а именно увидел, направленно и запланированно. Старый хитрый приём должен выручить и здесь!

Топорков запахал документы в бумажную папку и засунул её под тренировку на грудь. Ей-богу бронезилет! Липовый!

Выхватил «Зарю», приготовил к боевой деятельности «Стерлинг Мк-7» и ловко полез на дверной косяк, выступающий над стенами комнаты на два сантиметра.

Невольно вспомнилась родная Шумень, перестрелки в помещениях. Грозный, Чечня. Городская война. Выживание и смертельные поединки. Когда за любым поворотом или стеной таился враг, где тебя ждали боль и вечная тьма.

Упираясь руками в потолок и осторожно передвигая в удобное положение ступни ног, искривляясь всем телом, парень занял исходную позицию. Этаким червь на стене!

Аккуратно дотягиваясь до спускового крючка пальцем, Никита услышал щелчок в замке входной двери.

Без скрипа, шороха и возни в квартиру проник враг.

Как паук, спец из «Чёрных Вдов» шевелил конечностями и пробирался по коридору. Страшный зрачок набалдашника ПБС «Макарова» глядел вперёд по ходу движения тела и глаз человека.

Прошла минута. У Топоркова начали затекать спина и запястья левой руки. В коленях появилась предательская дрожь от перенапряжения.

Спас случай! В подъезде громко заговорили, где-то хлопнула дверь. Кто-то ругался.

Киллер шмыгнул в кухню, профессионально осмотрел туалет и ванную комнату, мастерски безопасно для себя расхабаривая двери, затем подкрался к комнате. Время на задание истекло, крики на лестнице торопили к действиям. Но он тщательно продолжал поиск и осмотр.

«Вот чёрт!» – подумал Топорков, выворачивая кисть правой руки с зажатым в ней оружием.

В комнату влетела граната вроде «Зари» или «Астры», для светошумового эффекта.

Без слов! Что делать в такой ситуации?

Доли секунды, секунда. Сейчас ещё две и всё! До конца жизни если не слепой, то глухой, точно. Бывает и труп.

Никита отпустил руки и расслабил тело. Начал падать. И в воздухе выстрелил в размытую фигуру. Ещё выстрел. В район головы и шеи. Почти контрольный.

Сам опрокинулся и пружиной взмыл вверх, зажимая ладонями уши и зажимая глаза. По инерции падения прыжок не удался, но тело кулём повалилось на только что ликвидированного киллера.

Страшный треск и ужасный гул прокатились по квартире, оглушив людей в подъезде и соседскую кошку.

Ослеплённый умирающий мужчина в клетчатой рубашке извернулся, вздрогнул и замер. Из его ушей и носа брызнула кровь. Никита присел на корточки так низко, что ягодицы коснулись пола. «Стерлинг» устремил взор в коридор. Никого!

Опасаясь снайпера в соседней «девятине», Топорков скрытно миновал коридор и прихожу, выглянул на лестничную площадку.

Неподвижное тело Буслаева на ступеньках и труп женщины у батареи отопления с окровавленным лицом. Рассыпанные там и сям фрукты, крики и испуганные причитания соседей.

Парень стрелой прыгнул к лифту. Но лифт был уже кем-то занят и, судя по всему, подвезжал к этому этажу.

Топорков быстро осмотрелся и кинулся наверх, через этажи. К полутёмной загрязнённой железной лестнице, чердаку и спасительной крыше. Он надеялся на спасение!

Москва. ГУМ. 2 октября 1996 г.

В самом большом и респектабельном магазине столицы как всегда народу было хоть отбавляй. Не толкучка, не митинг, а просто каша из человеческих тел, голов, сумок. Сплошной гул голосов и звуков. Пугающие лабиринты ходов, этажей, лестниц и прилавков. Нагромождения продуктов и промтоваров.

Кругооборот денег. Валюта. Недочёты и пересчёты. Махинации. Дежурные наряды УГПС. Дети и жвачки. Заполненные урны. Неоновые вывески. Сосиски в тесте. Стук машинок в кассах. Очереди. Угрюмые недовольные мины вперемишку с возбуждёнными и счастливыми. Но первых больше.

Сюда приходили, приходят и будут приходить не только за покупками. Поговорить, встретиться, сделать что-то совершенно левое. Погрозить, порадовать, понаблюдать. Выяснить или сговориться.

Для чего-то подобного сюда и явились Анна Павловна – Первая «Чёрная Вдова», и женщина по имени Надежда – агент «наружки» террористической организации. Начальница и подчинённая. Королева и пешка.

Тихий непринуждённый разговор на втором этаже ГУМа, рядом с отделом канцтоваров. Две подружки встретились и болтают о проблемах насущных. Это со стороны!

А на самом деле?!

Анна Павловна облокотилась на перила и взглянула на море голов, суесящихся на нижних площадках магазина. Поправила причёску. Зажала сумочку подмышкой. Посмотрела добрыми голубыми глазами на собеседницу. Но та почувствовала себя неудобно.

– Надя, ты знаешь, что парня этого не убрали? Ты понимаешь, что экспресс-операция провалилась?

– Не может...

– ...Смогло ведь, девочка моя, смогло! – перебила молодую симпатичную агентку Анна Павловна. – Твой Чингиз обосрался, извини меня! Я уже начала было восхваляться твоим протеже. Спец, профи, мастер! Опыт! Как же так, Надюш?!

– Я разберусь! К вечеру доложу, Анна Павловна.

Они разговаривали спокойно, не боясь прослушки и слежки.

Они ощущали себя в полной безопасности.

Ещё бы! Среди океана людей в этом магазине несколько человек были своими, надёжными. Из «Чёрных Вдов».

И они охраняли. Умрут, а двух женщин возле канцтоваров защитят и спасут стопроцентно!

Поэтому обе не беспокоились и не оглядывались. Говорили, и всё!

– Мы упустили его! – продолжала Первая. – Даже не успели заснять! Как всё гладко складывалось с самого начала! Или он чересчур глуп, что мы разбежались, не учтя мелочи, или наоборот! Какой-нибудь очередной супермен. Сколько уже пытались внедриться к НАМ, взять, уничтожить! Неужели это так важно?! А может быть, ОНИ ТАМ крутят что?! Серьёзная опасность? Пасут? Контролируют? Или ХОТЯТ взять контроль в свои руки?! Вот скотство! Не зафиксировали этого спеца. Теперь глазеть надо в оба! И искать! Искать, искать и искать. Он где-то здесь, рядом. Далеко он не уйдёт! И надо полагать, располагает кое-какой информацией.

Пусть малопригодной, сухой, но это НАМ уже большой минус! Человек со стороны, а за сутки узнал больше, чем вся Безопасность за несколько лет. Ты слышишь, Надя, теперь ОН – главная и единственная наша задача! Секретарь и этот парень! Вот за них и возьмитесь серьёзно. Да тебе ли об этом говорить?! Подключи всех и всё, что МЫ имеем в поле деятельности и в запасе. Действуй, Надюш! А насчёт провала в субботу забудь! Считай, что этого не было. Коля Горохов и Света погибли – их уже не вернуть! Только мстить. Но даже этого МЫ сейчас не можем! А Чингизу я всё-таки доверяю! Для него нет ничего невозможного. Если б не верила, его с нами бы уже не было! Ладно. Что-то хочешь сказать?

– Да, Анна Павловна. Планчик маленький есть. И соображения кое-какие, – сказала девушка, поправляя волосы.

– Ты девка смышлёная, бойкая! И умная чересчур. Поэтому и у меня! Моя левая рука. Говори!

– Допустим, ОН владеет каким-то сведениями. Что он может знать? Наши биографии? Следы? Наклонности и привычки? И всё! ВСЁ! Помешать в осуществлении НАШЕГО ПЛАНА он не сможет! Об этом нужно не только догадываться и слышать. Чтобы этой информацией владеть, надо быть кем-то из НАС! Что ОН предпримет? Пускай будет хоть Рембо, хоть апостолом Иоанном!?

– Я жду, девочка!

– Вклиниться в нашу компанию! Приблизиться. Или устроиться очень и очень близко! Так? Иметь необходимое снаряжение. Так? Держать связь с Сафоновым. Чем-то он выдаст себя всё равно!

– Я поняла тебя, Надя! Значит, возьми на себя все подходы, дома и здания, эфир и внешнее наблюдение. И дай задание Ярославу, пусть неотлучно следит за полковником. Ухом и оком. ЭТОТ запросто может выйти на Особый отдел! Для помощи или просто для передачи сведений. Косте я поручу усиление нашей охраны и внутреннее наблюдение.

– Может, связаться с Сан Санычем?

– У него ТАМ не должна болеть голова, милочка! И в Африке дел полно. А мы ещё будем эфир засорять!

– Шлюсова подключить? – подсказала агентка.

– Пожалуй, Вениамина Григорьевича мы проинформируем! Он поможет, хотя я ещё не знаю, чем!

– И кто теперь куда? Я по Секретарю! – пояснила Надя.

– Всё по плану. Седьмого ОН встречается с нашей несравненной Алексеевной. Отложить шоу-рекламный визит ОН уже не сможет! Поэтому шанс отправить его к праотцам большой! Главное, чтобы они увиделись, поцеловались, поболтали! А там без проблем! Ведь так?! Но, Надюш, кроме всего, что я тебе наговорила по поводу спеца-инкогнито, необходимо усилить и обеспечить Алексеевне охрану. Чтоб ни одна сволочь не проползла и не пролетела! Поняла?

– Да, Анна Павловна!

– Так. Лида у нас на подстраховке. Если что, не дай Бог, не получится у Алексеевны – Лида будет ликвидировать Секретаря в Бельгии. ОН всё равно полетит в Европу. Встреча там России нужна, как вода!

– А Четвёртая, Седьмая, Восьмая?

– Ирина отправится курьером в Челябинск. её цель по-прежнему Город-60, заложники, вынужденная встреча с нашим незабвенным Секретарём СБ. Страховка. Ольга аналогично на подхвате. Дача премьер-министра. Рита параллельно в Кремле. Премьер наметил с НИМ и Мосхадовым встречу. Лариса летит в Туркмению. Операция «Бархан». Ну а Инна Иосифовна едет в Сибирь. У неё там сын сидит. Освобождение плюс захват заложников. Требование сама знаешь! Всё.

– А Валентина Николаевна? – спросила Надя, внимательно, но искоса взглянув на Первую.

– А она здесь остаётся, со мной... с нами. Есть кое-какие дела. Об этом сообщу позже. Пока решу да соображу. Наверное, отправится в Чечню. Там есть наш запасной козырь, Завгаев.

– Президент?!

– Да, Надюш, он самый!

Они опять переглянулись. Молодость и жизненный опыт. Сила и власть. Третья и Первая. Острые карие глазки и большие голубые.

– Как у тебя на розовом фронте? – с улыбкой спросила Первая. Вдруг.

– Не очень, Анна Павловна! Могло быть и лучше! – угрюмо шепнула Надя, вспомнив о разлуке с любимой девчонкой.

– Ну ничего, у тебя, у молоденькой, всё впереди! Это не моё! Я уже тринадцать лет одна! С тех пор, как Аркаша меня оставил на этой земле! И может быть поэтому я сейчас здесь, вдохновитель «Чёрных Вдовушек»!

– Я знаю, Анна Павловна! Извините...

– ...Брось, Надюш! Будь хоть ты счастлива, девочка моя!

Они расстались. Сделали определённый жест, отменяющий встречу и охрану этого места, и разошлись. В толпе народа еле видимо передвинулись телохранители. И, забегаая немного вперёд, окружив незаметным, но плотным и надёжным кольцом подопечных, направились к выходам из ГУМа.

Почти все они были бывшими работниками различных спецслужб СССР и РФ. А значит, им можно довериться!

В тот же холодный пасмурный день на скамейке возле фонтана на ВДНХ встретились полковник Сафонов и руководитель ЭСО Особого отдела подполковник Башкатов.

Сафонов вообще любил людные места. А по работе такие точки особо необходимы. Слабость контрразведчиков и шпионов.

Шесть человек охраняли беседу двух профессионалов. Шесть бдительных и реактивных спецов разного пола, возраста и телосложения.

Кругом бегали дети, тихо сплетничали старушки, бойко торговали мороженым, пивом и цветами лоточницы. По площади туда-сюда бродила группа интуристов-студентов во главе с гидом-переводчиком.

Маленький, чем-то обеспокоенный полковник уселся на голубую скамейку. Ждал недолго. К нему подсел широкоплечий, седой не по годам загорелый мужчина в свитере и потёртых, когда-то синих джинсах.

Провёл крепкой рукой по затылку, крикнул, поздоровался открыто и приветливо. Весельчак по натуре, новоприбывший подполковник в штатском сейчас был не очень-то радостным. Его оптимизм сменился на озабоченность и тяжёлый взгляд уставшего старого человека.

Это и был Башкатов Анатолий Васильевич – начальник экспертно-следственного отдела «семёрки» ОО ГУ ФСБ России.

И встретились эти двое тет-а-тет здесь не случайно.

– С чего начать, Лёня?

– С начала! – пробурчал полковник, в глазах которого блеснул весёлый огонёк и живой интерес. – Как, где, куда? Всё рассказывай.

– Значит так! – начал Башкатов, удобно усевшись на волнообразной скамейке и глубоко вздохнув. – Не буду про наши суперприборы и экстраметоды, перейду к результатам экспертизы. Но будь спок, Лёня, всё точно, как в аптеке!..

– Не томи, а!

– Он пережёл дужку замка на люке чердака. Скорее всего, зажигалкой вашей «технички». Пробрался через хозбытовку к лестнице, ведущей наверх, там очутился на крыше.

Башкатов заулыбался и на секунду замер. Сафонов уловил в его глазах коварный огонёк, искру восхищения. С жадным любопытством полковник впялился в Башкатова.

– Ну, что? Говори! Куда и как он девался с крыши?!

– По кабелю. Вниз. Кусок толи и... естественный лифт унёс его на землю. Это с другой стороны девятиэтажки. В зоне гаражей и мусорных баков.

– Так. А...

– ...Кабеля нет! – перебил Башкатов слушателя.

– Как?! А куда же, интересно, он делся? Кто-то с крыши сбросил, замечая следы? – съязвил Сафонов.

– Нет, дорогой Лёня, всё намного проще! Не дам времени тебе на догадки – ты всё равно додумаешься! Просто-напросто, всего-навсего, делов-то! Заранее прилепил эту самую зажигалку к кабелю и включил её самоликвидатор. Спустился. Кабель разорвало, и он слетел вниз. Мы нашли его! Он в контейнере для мусора! Вот так!

– А... а дальше?

– Ушёл через гаражи и детсад. Потом его следы затерялись на соседней улице. У меня всё по бегству парня!

– А по квартире? – спросил рассеянно полковник, потупив взгляд.

И пока руководитель ЭСО рассказывал в подробностях результаты обследования и экспертизы, Сафонов мысленно проделывал те же трюки, которыми воспользовался находчивый парень.

И где он сейчас? Что делает? Живой ли? Должен же выйти на меня! Обязан. Или не может?! Эти суки пытаются вычислить его! Вывести из игры. Это мои ошибки! Мои проколы! Не дай-то бог!..

...Коллега сообщил о причинах смерти обоих киллеров, Буслаева, о хитром приёме Топоркова с дверным косяком, о снайпере в соседней «девятине». Показания свидетелей. Предположения и выводы.

Выводы его выводов теперь должен сделать сам полковник...

...Где ОН? Как ОН?..

И Сафонов в который раз крепко задумался. Снова основным и главным вопросом встало перед ним решение о чистке своих рядов. «Нужно кровью смыть всех шпиков, «жуков» и изменников. Искоренить коррупцию хотя бы в Особом отделе, хотя бы у меня! Вымести сор из избы!» – сказал он себе. – «А то на хвосте внаглую сидят! Вперёд меня всё знают и действуют. Сволочи!»

Из состояния коматоза его вывел Башкатов.

– Ты меня слушаешь?

– Да, Толя, конечно! Ты приготовил мне на бумаге?

– Естественно! Лёня, дело, я гляжу, серьёзное?

– Мало сказано! Дело жизни и смерти!

– Александра Ивановича касается?

– Прямым образом!

– Понятно! – вздохнул Башкатов и откровенно взглянул на Сафопова, – Опасно! Не срейфишь?

– А! – отмахнулся полковник. – Теперь уже напролом!

Они расстались и исчезли в неизвестных направлениях. Унося охрану и секретные, особо важные сведения. На этот раз обоим удалось уйти от слежки, от прослушивания и видеосъёмки.

Они смогли. Они должны были уметь делать это! Ведь они были «спецами»!

Назавтра в голове Сафонова созрел грандиозный план уничтожения и чистки шпионско-диверсионной ауры, так плотно охватившей в последнее время спецслужбы России и, в частности, даже седьмой подотдел.

И завтра, третьего октября, он начнёт претворяться в жизнь!

Топорков Никита Сергеевич по прозвищу «Истребитель» отчуждённо смотрел телевизор, развалившись в кресле двухместного номера гостиницы «Россия».

С экрана плыли и сыпались неутешительные и безрадостные новости. В основном по Чечне, что за последний год уже поднадоело и тянуло к рвоте. В целом по стране тоже не лучше: забастовки, авиакатастрофы, террористические акты, предстоящие выборы в губернаторы, да ещё для многих (всё ещё многих!) россиян тяжёлая весть: Президент неизлечимо болен, на грани жизни и смерти. Поговаривают о предстоящей в конце осени операции.

А в Грозном, во всей Ичкерии, жуть какая-то! Опять беспредел. После долгожданного перемирия снова наступили чёрные деньки. Опять перестрелки. Оппозиционеры Мосхадова под неусыпным надзором самого главара сдают оружие федералам. Россия выводит войска. Потихоньку. Не торопясь. Отстреливаясь. От кого? «Непримиримые» бандформирования Басаева Шамиля и Руслана Галаева воюют! То ли свою родину защищают, то ли уже так, по привычке, вкусив кровь и порох, уничтожают первых попавшихся в прицелах. Да ещё уголовники наплыли! Откуда взялись? Откуда на их вооружении гранатомёты «Удар», «Шмель», «Накал», «Гвоздика», автоматы последних моделей, снайперские винтовки «СВД» и «СВС»? Да что там «СВД»? «Винторезы» и «СВУшки» имеются!

Никита чертыхнулся. С дистанционного пульта выключил телевизор «Тошиба», подошёл к окну и отодвинул портьеру.

– Стоишь, первопрестольная! Красуешься! Разрастаешься? А сама не видишь, что в твоём чреве творится! Чьи деяния скрываешь! Какие сволочи тебя оскверняют! Аа, да ну тебя! Никогда не лелеял и сейчас, извини, до фени! Большой город – большие проблемы. А моя работёнка – капля в море. Это не Шумень! И ты мне чужая! Извиняй!

Топорков уселся за журнальным столиком, уставился на разложенные на нём бумаги, фотографии и слайды.

Все уже были изучены, проштудированы. Вся информация с документов улеглась в голове ровными правильными пластами. Запомнилось, прочно засело. По всем агентам и многим членам секты. По их боеготовности, привычкам, манерам.

Всё! Что можно было выудить «топтунам», «наружке» и из допрашиваемых «провальных каналов». И аналитикам с Лубянки.

Теперь оставалось действовать. Никитина задача. Самостоятельно и чётко. А главное – продуктивно!

Никита взял листок с печатным текстом. Ещё раз внимательно прочитал содержание. Задумался, но брови лукаво вздёрнулись вверх.

– Певица, говоришь! Звезда поп-эстрады! Чёрная Вдова! И ты туда же! И ты в политику лезешь!

Топорков не жаловался на свою память. Особенно чудесной у него была зрительная. Он вспомнил ЭТУ шоу-артистку, в памяти возникло молодое лицо с белыми волосами и яркой помадой. Всплыли знакомые слова известной песни:

Выпей вина и снова меня ты захочешь
Тело ласкай и губы мои поцелуем закрой!
Я знаю, тебя назад никогда не воротишь
Но почему, но почему сейчас ты с другой?!

Никита щёлкнул языком. Красивая, стерва! Жаль такую убирать. И опасная! Как и все остальные. Спринцовка. Яд из группы комплексных контактных. Трудно определяемый. Мгновенно действующий. Хороший ядок-то! Медици позавидовала бы этой новинке! Вызывает паралич, отёки, затем смерть. Через какое время? Зависит от дозы и места контакта. Оказывается, есть разница: воткнуть иглу в ногу или в шею. Но в любом случае – пусть это контакт с кожей, слюной или кровью, пяткой ступни или спинным мозгом – наступает смерть. Подобным Никита пользовался в Шумени, запасом покойного Бондаря.

Состав сложный и интересный. Смесь. Яды африканской дикой пчелы, жуков-нарывников и бабочки-пестрянки рода *Zygaena*. Морской змеи и огненной саламандры. Контаридин жуков *Paederus* и гемолимфа личинок африканских (опять же) листоедов...

Мне говорили: «Потом не ищи ветра в поле!»
Советы забыла и думала, что всё это неправда
Взберусь я на скалы и кинусь в холодное море
И пусть для тебя это будет награда, будет награда!

Никита чертыхнулся. Строчки из песни певуны упорно, назойливо лезли в голову.

– Уж лучше б сама покончила с собой и кинулась в море! – сказал вслух парень и опять стал читать сведения об опасной певице, Чёрной Вдовушке.

Выводы были неутешительные, но малопригодные для дальнейших действий.

Вот уже две недели Алексеевна (как её называют в узких кругах секты) закрыта от глаз человеческих. Не выступает, не показывается на тусовках в любимой «Метелице», никуда и нигде. Сидит в своём замке, в коттедже, в Вишнёвом, замурована и защищена. Куча охраны. Собаки. Система электронной сигнализации. Толстенные стены. Крепкие решётки. Прочные жалюзи.

Достать её могли бы только спец. Только из Системы!

Как? Трудно сказать, тем более сделать.

Кто? Он, Никита Сергеевич.

Когда? Да чем скорее, тем лучше! До 7 октября надо успевать. Встречу допустить нельзя. Обыскивать её нельзя тоже – скандал может поднять невообразимый! Та ещё вертихвостка! А её подхватят, поддержат недруги Секретаря.

Значит, надо убирать! Или хотя бы сильно-сильно покалечить. Чтоб встать не смогла, сказать, спеть. Чтоб пописать было больно, покушать, помыться. Покушать?! Помыться?! Ну-ка, ну-ка! Покушать... Помыться...

Никита привстал с кресла. Сглотнул воздушную пробку в горле. Губы моментом высохли, и язык тут же пробежался по ним. Обычно это бывало, когда парню приходили в голову хорошие идеи, грандиозные планы, страшные мысли! Идеи! Только рискованные и очень хорошие!

Подмосковье. Барвиха. 2.10.96.

Пресс-секретарь Игорь Стржижебский – сравнительно молодой, изысканно одетый, хмурый по возрасту человек стоял возле широкого окна, засунув руки в карманы, и смотрел на парк. Парк, в котором часто любил прогуливаться Президент. Парк, который тщательно и надёжно охранялся невидимыми призраками из ГУО и Охраны Президента. И хотя защита и безопасность Перового была теперь не в компетенции Моржакова, но его сменщик, человек весьма противоречивый по характеру и политическим взглядам, но верный до гроба (как говорили в Кремле) пока отлично справлялся со своими обязанностями. Живая защита Барвихи и впрямь была незаметна, но всесильна и мгновенна.

Почему Стржижебский подумал сейчас об этом? Он и сам не мог сказать. Может, после разговора с этой милой дамой, бывшей супругой, вдовой когда-то могущественного министра. Кажется, при Андропове... или Черненко!? Дай бог памяти! Не старый ведь ещё! Далеко не старый! Один из самых молодых в окружении Президента, и при этом один из самых доверенных и близких в Команде.

– Дорогая Анна Павловна! – он обернулся к покорно молчащей дамочке, собачкой глядевшей на него. – Хорошо, я доложу ЕМУ об этом вопиющем факте! Не беспокойтесь. Меры будут приняты. Я гарантирую! Хотя, конечно, это решать не только НАМ!

– Игорь Витальевич, рада помочь! А ЭТО возьмите на заметку. Если будет какая-то новая информация, я немедленно доведу до вашего сведения! Ну что ж...

– ...Секундочку, Анна Павловна! А почему именно я? – спросил Стржижебский, вынув руки из карманов и с прищуром взглянув на женщину.

– Я вам верю больше всех! – твёрдо и чётко ответила та, будто ответ был приготовлен заранее.

Пресс-секретаря это немало удивило, но в то же время обрадовало. Он вздохнул гордо и легко, откровенно приняв слова женщины за лесть.

– Спасибо за доверие! Спасибо! Я обязательно сделаю всё, что от меня требуется. Звоните. Докладывайте в любое время. А сейчас оформите пропуск на первом этаже и до свидания! Я очень был рад нашей встрече!

Они мягко пожали друг другу руки. Анна Павловна скрылась за дверью, на которую указал он, и в коридоре вновь завис аромат её духов, ощутимый после дуновения воздуха.

Краснова... Краснова? Где-то он слышал эту фамилию! При Андропове? Нет, скорее при Брежнев! Или... А, да ну её!

Стржижебский попытался переключиться на сегодняшние проблемы, вопросы и распорядок дня, но Анна Павловна и её сообщение не выходили из головы. Как он решился?! Что он себе воображает? Надо проверить. Что-то здесь не так! Верить ли этой дамочке? «Я вам верю больше всех!» – вспомнил пресс-секретарь. А я вам?!

Стржижебский нахмурился ещё больше, потёр бровь, отметил про себя, что шагает по мягкому ковру взад-вперёд.

Ну Секретарь! Ну Безопасность! Не успели выбрать, уже паутину плетёт. Ну, Шурик! Неужели это возможно?!

Его размышления прервала тихая, слышная только молодому уху, поступь Первого.

В конце коридора беззвучно высунулась коротко стриженная голова охранника, метнула фоторентгеновский взгляд на пресс-секретаря и исчезла.

Стржижебский вытянулся, затаил дыхание и уставился на другую дверь, из-за которой появился седовласый Президент.

Подмосковье. 93-й километр Муромского тракта. 4.10.96.

На Ольшанский силикатный завод Топорков приехал в обеденное время. Рабочие разбрелись и разъехались по домам, столовым, кафе. Кое-кто остался внутри предприятия жевать бутерброды да запивать чаем из термосов.

Вонючий, мерцающий на свету смог в цехе № 3 немного улёгся, но Никита вошёл в огромные железные ворота с респиратором на лице.

Мимо прошёл задумчивый мужчина пожилого возраста, где-то в центре цеха копошился другой. Топорков огляделся и взял курс на него.

У станка, напоминающего остов танка, возился парень лет восемнадцати. Грязное лицо в респираторе, измазанный маслом и солидолом комбинезон, силикатные блёстки на одежде, скрюченная в три погибели фигура и тяжёлое сопение-похрюкивание.

Никита ещё раз осмотрелся: никого. Тронул рукой плечо рабочего. Тот спокойно обернулся и выпрямился.

– Здорово, земляк! – начал Топорков, а про себя подумал: только бы не отвалились фальшивые брови и переносица, сдавленные респиратором. – Саша.

Никита протянул руку для рукопожатия.

– Фёдор, – пробубнил парень, ответив на приветствие, – ко мне?

– Да! Отойдём?

– Пошли.

Они миновали ещё три станка-котла, чугунную перегородку с сеткой, штабель двухдюймовых трубок, и оказались на небольшом пятачке коридора, возле умывальника и сушилки. Оба сняли «намордники».

Оба внимательно оглядели друг друга.

– Федя, ты кем здесь? – спросил Топорков.

– Рабочий-стеклодув. На практике. С седьмого ПТУ, с Олышанки. А ты?

– Я из Москвы, из ЦЛХА, лаборатория по гидролизам перманганатов при НИИ имени Менделеева, – соврал Топорков, внутренне отметив сборище малопонятных слов и тупость практиканта, – я сюда приехал по делу!

Парень по имени Федя заинтересованно и вместе с тем удивлённо уставился на незнакомца. Снова осмотрел его и, видимо, убедившись в правдивости сказанной фразы, спросил:

– А при чём тут я? Чем интересуетесь?

Никита воспрянул духом, не упустив и то, что парень перешёл на «вы». Спустил пары, незаметно для собеседника прочесал цех взглядом и снова обратился к Фёдору-стеклодуву:

– У меня к тебе дело, Федя! Именно к тебе. Дело в том, что для очень большого опыта и научных исследований мне кое-что нужно. Это очень важно, Федя! У вас здесь имеются какие-нибудь кислоты, щёлочи, растворы солей?

– Кислоты? – Федя почесал щетину на подбородке. – Есть какие-то щёлочи, солянка и азотная, ещё чё-то. А что, купить надо?

– Догадливый ты парень, Федя! Да, для опытов очень нужно кислоту. Любую, – сказал Никита и насторожился, не сболтнул ли лишнего или подозрительного.

Сболтнул конечно, но паренёк ничего не понял.

– А через отдел снаб...

– ...Понимаешь, земляк, там очень дорого, а у нас в лаборатории денег – куры клюют! Я уже разговаривал с этим... как его... Алексеем... ну, как его?

– С Петром Алексеевичем, наверное? – поправил Федя.

– Да, с Петром Алексеевичем, – спохватился Никита.

Хитрый номер прошёл и здесь. Чисто игра воображения и интуитивный отбор популярных имён и отчеств.

И продолжил ложь.

– Очень уж дорого! Да мне оптом и не надо. А этот... Пётр Алексеевич из снабжения предлагает оптом.

– А вам сколько надо?

– Одну канистру, флягу или... в чём там она?

– Кто?

– Кислота. Соляная. Азотная.

– В баллонах. По двадцать литров, по-моему. И сколько вы предлагаете за штуку? – Федя прищурился и сглотнул слюну. Слюну наживы и выгоды. Так расценил Топорков.

– Четыреста долларов отдам! – проинформировал «представитель химлаборатории имени Менделеева».

– Пятсот! И она у вас в машине! – громко воскликнул практикант, аж чмокнув губами.

– О'кей, парень, железно!

Средихлама инструментов, заготовок и кучи свёрнутого брезента, запас кислот и щелочей для приготовления и обработки стекла, пластика и целлулоида отыскиали быстро.

Отобрали по совету «Шурика» одну из объёмистых бутылей с азотной кислотой и перетащили в багажник «пятёрки», которую четыре часа назад Топорков арендовал в ТОО «ВАЗ-техносервис», выдающем автомобили напрокат.

На две недели. Правильно сделал!

Расплатившись «пятихаткой» «баксов» с обрадованным донельзя парнем, Никита вернулся на площадке дворика и направил машину через ворота к тракту.

Практикант-стеклодув Федя Дружинин проводил белые «Жигули» благодарным взглядом, поозирался по сторонам и чуть не вприпрыжку помчался в родной задымлённый ужасный цех.

На душе у парня царил праздник.

В столицу Топорков въехал полтора часа спустя. А ещё через двадцать минут «его» авто притормозило возле тротуара на Маломосковской, рядом с ПРСУ садоводческих товариществ. Но...

...Остановка белых «Жигулей» омрачилась пренеприятным известием, дурацкой сценкой, ЧП.

Но кто знает, чем обернулось это происшествие для Топоркова позже!? Рок.

В зеркало заднего обзора Никита заметил «Вольво» цвета «мокрый асфальт».

Иномарка звонко въехала в зад «жигулей» и притихла, как вкопанная.

Никите сумасшедший автопоцелуй показался очень долгим и длинным, как в замедленной съёмке.

Он не спеша выбрался из машины, открыв рот в беззвучном крике. Взгляд его рассосался по объектам: в поле зрения одновременно попали смятый задний левый угол «пятёрки» с разбитыми стоп-сигналами, искорёженным крылом и загнутым вверх бампером, менее изувеченный передок «Вольво», выскочившая из неё симпатичная девушка, сцепившая руки в замок, охающие прохожие, твякающая дворняга.

Топорков, вероятно, бы разразился руганью водителя-неудачника, раздул скандал или заскрежетал зубами в безмолвном негодовании, но его более целенаправленный взор вмиг приглушил злость и изменил настрой.

Он в доли секунды привычным фотографирующим взглядом окинул ахающую девушку в норковой безрукавке, высоких шнурованных ботинках и меховом берете, зажавшую чёрными бархатными перчатками маленький аккуратненький ротик с чувственными идеально накрашенными губками. И более пристально осмотрел личико, но незаметно, также быстро, искоса.

Небольшие ямки на щёчках, красивые глаза, острый подбородок, еле заметная из-под берета каштановая прядь.

Не всё соответствовало описаниям и подлинному фото.

Но Топорков узнал её! Узнал по снимкам из папки Сафонова.

Крымова Надежда, 25 лет, студентка заочного факультета ИНЯЗ МГУ. Аутсайдер фирмы «Билайн».

Третья Чёрная Вдова в секте!

Одна из главных и первых целей в объективе Истребителя.

И одна из самых опасных!

В том, что побледневшая рядом девушка-водитель и Вдова-преступница Крымова Надя – одно и то же лицо, Никита не сомневался. Зрительная память и информация последних дней не могли подвести.

Поэтому он с явным трудом, поборов мимику и ярость, остановив жесты, сделал глуповато-протягкое выражение лица и издал томное мычание, как Киса Воробьянинов в известном романе. Этакий совок, лопух и тормоз!

Девушка взглянула на обомлевшего олуха, снова на место соития автомобилей, опять на беднягу-парня.

Её милая мордашка тотчас изменилась на другую: мольба, жалость, извини, прости, не хотела!

– А... А как... что это? – еле внятно пробормотал Никита, отвесив нижнюю челюсть и щёки, разводя руки и вжимая голову в плечи.

– Извини, лапочка! Извини, милый, не специально! Видит бог, – начала бесконечный монолог спецагента «Чёрных Вдов» под маской случайной простой горожаночки, попавшей в нелепую ситуацию.

Пока она говорила, тесно прижавшись к Топоркову, сам Никита, ощущая в штанах оживление, лихорадочно соображал.

Подстроенная авария? Продуманная? Как так?! Заехать к бордюру и трахнуть его в зад... его «Жигули»! Если первое, то он уже под прицелом, на волосок от гибели. Значит ОНИ разгадали и выследили его!

Никита начал составлять неизменный в такой ситуации ПДД его будущего, не пропуская мимо ушей ласковый шёпот девушки, но вдруг подумал о другом.

А если и вправду случайно?! Совершенно случайно! Если и впрямь мир тесен?!

Топорков не успел поразмышлять дальше, поподробней и подетальней: девушка дёрнула его за рукав, привлекая к вниманию.

– Слышишь, бой?

– Да-да! – живо отозвался парень. – И что?

– Что-что?! Милицию вызывать, наверное, не будем! Уладим всё так. У меня есть отличные мастера: всё сделают как надо! Через два дня... нет, даже завтра, «жигуль» твой, милый мой, будет как новенький! А сейчас пошли вон в тот дом, там у меня подруга живёт, обговорим кое-какие детали. Пойдём, хороший мой!

Никита насторожился. Она явно звала его или трахаться, замаливая грехи с аварией, или попросту выдоить кое-какие сведения и убрать.

Первое или второе? Один или два? Это сверхважно!

Девушка набрала по сотовому телефону номер:

– Костя? Это я... Вероника! Да, я! Найди ребят... по автомобилям, пускай приедут на «аварийке», заберут мою «вольвочку» в ремонт, да белую «пятёрку»...

Она повернулась к Никите:

– ...Забери из машины всё необходимое, сейчас приедет «техничка» из аварийной, отбуксируют и выполнят до завтра косметический ремонт. Всё сделают на «пять»!

– Не-е, – возмутился с недоверием и сомнением Топорков, хорошо играя трагика, – я так не могу... не так...

– Ой, Господи! – сказала симпатяга. – Никуда твой «жигуль» не денется! Вот адрес... возьми визитку. Вот мой. Ладно, потом поговорим и обсудим делишки.

И опять в трубку сотового:

– Костя! Тогда мою заберите, а «пятёрку» не трогайте, осмотрите только, сделайте необходимые замеры и готовьте у себя ТАМ заказ.

Предпоследнее слово она намеренно или невольно выделила.

Никита думал о фляге с кислотой в багажнике, о Крымовой Наде, о Косте – предполагаемом начальнике охраны в секте (судя по услышанному имени!).

Думал и о своей безопасности. Умирать сейчас, да и вообще, не хотелось что-то! А пахло здесь смертью!

Чьей-то!

– Пойдём? – позвала красавица-норка, убирая телефон и взяв парня за локоть. – А то все смотрят. У тебя в тачке ничего не осталось? Не бойся, ничего не украдут, не снимут, не разломают! ГАИ тоже не пугайся! Всё будет хоккеем! Пошли.

– Ты, что ли, крутая? – лукаво, боязно и смущённо спросил Никита у девушки.

– Я? – она засмеялась (боже, какая она была в этот момент симпатичная и сексуальная!), осмотрелась на предмет движения по улице автотранспорта и повела его под руку через дорогу. – Богатая просто! И смелая! Лучше скажи, как тебя величать!?

– Олег, – естественно соврал Никита, – а тебя?

– Вероника! Ты, наверное, слышал?

– Да-да!

– Хорошо слышишь!

«Вероника»-Надя улыбнулась, взглянув ему прямо в глаза со вставными линзами, отчего парню стало не по себе.

– Где бачишь?

– Что?

– Работаешь?

– Да, в компании «Росинвест». Клерк.

– А машина твоя... или батина? – поинтересовалась она, про себя с усмешкой отметив, как таких лопухов туда берут.

– Моя! – с гордостью сообщил Топорков, облизнув губы. – Заработал!

– Молодец, Олег... – она замялась, – ...как тебя по батьковичу?

– Степанович.

– Олег Степанович!

– А ты, Вероника, называй меня просто по имени!

– Хоккей, Олежка! Теперь сюда.

Они прошли по тротуару метров пятьсот (ПРСУ садоводческих обществ остались позади), свернули в арку и зашли в подъезд с филёнчатыми голубыми дверями.

Попутчица чуть не зацепилась за перила.

– Тебе не жарко, Вероника?

– Ты про шубу? Холодно сегодня, скоро снег пойдёт! Завтра минус четыре обещали.

– А-а-а! – протянул Никита, намеренно слегка споткнулся, усугубляя к себе отношение и мнение Вдовы.

А сам запоминал, строил дальнейшие действия, думал.

Всё пока шло нормально. Убирать его если и будут, то не раньше, чем в квартире лже-подружки. Ликвидировать Надю Крымову Никита сейчас не мог: их запомнили прохожие. Да и узнать он мог кое-что получше или, не дай бог, похуже.

Лифт довёз их на седьмой этаж, они очутились перед железной дверью. Площадка на этаже была просторной и чистой, без пристроек.

Она позвонила странно, очень странно. Три коротких, один длинный, ещё один короткий. И тотчас взглянула на него:

– Прямо как азбука Морзе или шифр радистки Кэт получилось!

Она улыбнулась, что сделал и Никита.

– Никого. У меня ключи есть. У нас с ней общие.

Пока Третья Вдова отворяла двери, Топорков промямлил:

– А машину точно не это... ну...

– Я же сказала, глупышка! Я отвечаю за неё!

Они вошли в квартиру. Заперлись. Оба огляделись, как в первый раз. По крайней мере, он.

– Будь как дома, Олежек! – сказала она и стала мучиться со шнурками метровой длины. Никита догадался снять с неё жилетку, белый шарфик и берет. Положил всё на пуфик в прихожей.

– Остальное я сама! – улыбнулась она, послав сексапильный взгляд и приняв соблазнительную позу.

Никита не пропустил мимо её многозначительную фразу и улыбку, махом снял осенние туфли, скинул курточку и бросил на вешалку кепку.

Прогулялся по коридору, бренча в руке связкой ключей, заглянул в обе комнаты, вслух отметил чудо-хоромы.

Как ему ни хотелось, он переборол желание осмотреть кухню, туалет и ванную комнату, чтобы не вызвать подозрение у Вдовы. Потому как профессиональная привычка всех оперативников и спецслужастиков из Органов – проверять сразу и незаметно всю квартиру на наличие возможной опасности. В такой ситуации!

Никита вздохнул, и ему пришлось пройти в спальню и приземлиться на жёлтый пуфик у комода с зеркалом.

Судя по всему, что успел заметить Топорков, в квартире действительно жила женщина. И, скорее всего, одна! Судя по обуви, одежде, по цветам в горшках, книгам и чистоте в комнатах.

В крайнем случае – конспиративка! Но спецнами ФСБ не отмеченная. В документах Сафонова эта хата не значилась. Может быть поэтому Топорков преспокойно вырубивал на своём авто по Маломосковской.

Он не знал, что здесь жила временно подруга и любовница Нади Крымовой, Алёна. Они занимались лесбийской любовью, пока вторая не встретила друга. Парня.

И эта квартира не была конспиративной, только приют для любовных утех двум молодым коточкам.

Никита не знал и не узнает никогда, что Алёну найдут мёртвой в декабре на стройке жилого дома по Мичуринскому проспекту.

Потому что Вдовы не допускали измен и каких-либо разглашений своих тайн. А свидетели – они всегда лишние!

Надя пока не догадывалась об истинном и настоящем призвании «Олега». Она ничего не знала о Никите. Но могла подозревать: это входило в её компетенцию, способности и обязанности.

И должна была проверять и перепроверять любого! И никогда никому не доверять!

Как и Никита Топорков!

Костя Дробышев, начальник охраны «Чёрных Вдов», в недалёком прошлом капитан черноморских боевых пловцов подразделения «Барракуда-2», уволенный за аморальное поведение и жестокое обращение с рядовыми (попросту говоря, садизм), приняв сигнал от Нади, отдал необходимые распоряжения группе «Лешего» и связался со всеми агентами в цепи Секретарь – Сафонов – Башкатов – спецподразделение «Орион» – силовики штурмовой группы ФСБ «Гранат» – поисковая партия «топтунов» за Истребителем. Чтобы все держали вверенные им посты наблюдения, докладывали ему и были предельно осторожны.

Сам с двумя лучшими сотрудниками безопасности ожидал возможного контроль-сигнала и являлся ударным звеном боевых действий, так называемым «чистильщиком».

А кто такие чистильщики – объяснять не приходится!

Полковник Сафонов проводил Чистку своих рядов и кабинетов, своего подотдела и даже шерстил смежные отделы Главного Управления.

Двоих взяли с поличным. Вызванные Сафоновым «техничка» ФСБ и «машинка» ФАПСИ обнаружили через полтора часа тщательных поисков два «жучка» и кучу «клопов» почти во всех помещениях и кулуарах Управления. Много и качественно, что совсем неприемлемо в России!

В кабинет КНИ и ТАИ группа захвата Внутренней Службы Безопасности ГУ ФСБ вошла стремительно и неожиданно.

Компьютерщика Сизова грубо скрутили, надели наручники и на глазах изумлённых побледневших коллег вывели из помещения.

Молча, и так же скоро, как и вошли.

Тридцативосьмилетний Сизов, инженер-программист, находящийся на службе в Безопасности (а точнее сказать – на обычной контрактной работе) третий год, беспрекословно и обречённо следовал по длинным коридорам, ведомый тремя крепкими угрюмыми парнями.

Он и вякать не смел, потому как отлично знал свою вину.

И уже понял, что пятнадцать-двадцать минут назад совершил непростительную ошибку, в очередной раз включив «глазок».

Семнадцать минут раньше техники спецотдела УФСБ засекли работающую в стационарном режиме минивидеокамеру, включённую Сизовым и направленную на его дисплей и монитор расставленных на столе приборов.

Старшего лейтенанта Жеманина брали ещё тише и осторожнее.

Двадцатидевятилетний офицер Службы контрразведки был молод, горяч и далеко не слаб.

Особо секретную информацию он пытался просто заполучить с зашифрованного файла чужого компьютера, в чужом кабинете, по чужой код-визитке.

Его арестовали.

В коридоре он начал было качать права, но старший группы захвата холодно и презрительно взглянул на него и шепнул несколько трудноразличимых, но хорошо понятных слов, отчего Жеманин сконфузился и поник.

Сведения, которые через сорок минут легли на стол директора ФСБ РФ, полковника Особого отдела, майора спецотдела и полковника Сафонова, заставили каждого выматериться и испортили настроение очень надолго.

Информация с видеокамеры стоила многого и считалась особо важной, за разглашение подобного лишались головы.

На плёнке таились записи о частоте, кодировке и режиме связи с рядом «внештатников» ФСБ по всей стране и в Ближнем Зарубежье.

Мало того, вслед за этими данными шли планы модернизации штурмового подразделения «Гранат», часть анкет и личных досье нескольких сотрудников и агентов структуры спецподразделений Внутренней Контрразведки.

Через двое суток допросов без пристрастий (в спецслужбах часто обходятся без этого, в отличие от того же МВД) Сизов даст показания и кое в чём сознается.

Окажется, что с Жеманиным он не был связан и о его шпионской деятельности не слышал.

Кроме перечисленного, «глазком» фирмы «Сони» были зафиксированы расшифровки по агентурным каналам ГУО, ФСК, затем ФСБ РФ, автономным НП и спецпостам Внутренней Контрразведки, реквизитам и адресатам некоторых секретных отделов и подотделов «связистов» из ФАПСИ и всё той же ФСБ. Частично записаны сведения о рекогносцировке подразделения «Орион», ударно-штурмовой группы «Факел», спецотделений «Буран» и «Вега».

Эти отряды спецназначения когда-то входили в одну большую и сильную систему специального и быстрого реагирования под названием «Альфа». Потом разделилась эта маленькая

элитная армия на кусочки (точнее, её разорвали), и по отдельности стали ребята работать на разные Конторы. Служить и умирать, но как бы для общего дела, во имя Отчизны.

Нельзя сказать, что высшее руководство ГУ ФСБ обрадовалось полученным итогам большой Чистки, но кое-что успокаивало.

Хотя бы то, что не вся секретная информация вышла за пределы Управления, никаким образом шпионско-диверсионная деятельность (Сизов вносил ложные факты в программы КНИ и ТАИ, для чего – так и не удалось выяснить, но что само по себе являлось диверсией) не коснулась Системы Внешней Контрразведки, а также выяснили и обнаружили заказчиков и каналы приёма и связи с внешним миром.

Но, как окажется впоследствии, НИ ОДНОГО выявленного Получателя задержано не будет! НИ ОДНОГО!!!

Вот они, интриги и могущество верхних эшелонов власти! Вот она, как бы сказал любой простолюдин, МАФИЯ! С приставкой «ГОС».

Но это немного другая тема, другая история.

Больше всех, кажется, негодовал полковник 7-го подотдела Сафонов.

Именно его касались информация с «жучка» и показания второго арестованного.

Именно Жеманин обескуражил руководителя «семёрки» «СМ» физических воздействий Особого отдела.

Потому что единственной, но очень страшной новостью, какую смог выудить ЭСО Управления из допросов старшего лейтенанта и данных его записей и шифровок, была информация об Истребителе – Топоркове Никите Сергеевиче! ОС и ОВ, хотя и скудные сведения: о «Деле № 237», начатая разработка и анализы его деятельности в 13-ом подотделе (бывшем Спец-отделе ФСК), а главное, всплывшие шифрограммы покойного Ревизора Сибирского региона майора Протонова. Годовые отчёты. Письма покойника.

Никита влип в дерьмо!

И это Сафонов ощутил всеми клетками своего существа.

Истребитель – ходячий призрак! Мертвец!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.